

ХАЛЯВА, ПЛИЗ!

(повесть)

Дверь старенького дома легонько скрипнула и открылась. В ее проеме появился человек, явно не деревенского вида. Он посмотрел на небо, потянулся, радуясь хорошей погоде, и не спеша, направился в туалет. Это был Афанасий Гаврилович Мудрый – персонаж, который должен был стать героем нашей повести, но жизнь повернула по своему и литературными героями стали другие люди, мужчина давно пенсионного возраста, грузный телом, но шустрый мыслью и болтливый на язык. Весь вид его выдавал в нем отпетого дачника. Он был волосат, не чесан и не брит. Одежда его была чистой, но какой-то перекособоченной. Отдельные ее части, очевидно, относились к разным эпохам советского ширпотреба. В общем застиранный «сэконд хенд». Самое примечательное в его одежде было то, что разноцветные пуговицы рубашки на пузе сходились с трудом, а одна как водится, отсутствовала, линияльные брюки безнадежно сели, были короткими и до неприличия рельефно обозначали ягодичную крутизну.

Гаврилыч, как его звали окружающие, был человеком не злым, компанейским, в общем дачник как дачник. Любимым его занятием было безделье и, как бы в оправдание фамилии – стремление выразить на лице озабоченность и мудрость в беседах с людьми. Были у него и другие качества, но обо всех сразу не скажешь.

За забором раздавались веселые голоса молодых ребят, строивших богатому соседу двухэтажный дом.

Погода с утра установилась прекрасная. Поэтому настроение у Мишки и его друзей было приподнятое. Я бы сказал, наполненное внутренней радостью. Хотелось шутить и смеяться. Бывает такое неосознанное чувство, когда кажется, что пройдет немного времени и сакральный смысл радости материализуется и будет всеобщее хорошо.

К тому же, бригада закончила строительство дома и ожидала хозяина, а вместе с ним – расчета за выполненную работу.

Ребята в бригаде работали все свои, деревенские. Давно уже вместе, а Мишка был бесспорным лидером. Он был того же возраста, что и остальные, но пользовался уважением, как старший.

* * *

Однажды, уже после возвращения друзей из армии, он их собрал на «Великий хурал».

– Мужики, - сказал Мишка, - хватит пьянствовать и сшибать несчастные копейки. Пора браться за дело – зарабатывать деньги, как положено.

– А как положено? – с хмельной веселостью спросил Сашка.

– Очень просто. Все мы имеем строительные специальности. В УПК получили удостоверения. Помните?

– Ну, - закивали ребята, - что, идти на стройки капитализма, корячиться ради светлого будущего наших буржуев?

– Да, ладно тебе, Сашк, - горячился Мишка. – В армии строили, т.е. практику прошли? Прощи. С мужиками шабашничали? Шабашничали.

– А чё строить-то будем? – примирительно и хитро заметил Володька.

– А вот чего. Оглянитесь вокруг. Во всех деревнях начинают расти «замки» богатеньких дядей. Кто им строит? Такие же как мы. Деньги получают... Это тебе не бабке Саше забор поправить за бутылку или сортир построить на ферме. А платят? Долларами!

– Перестройка, однако, - сказал Сашка и громко икнул, а у остальных ребят по спинам прошел легкий зуд в ожидании того, что Мишка скажет дальше.

– Но такие дома собирать – не просто «камень на камень, кирпич на кирпич» класть. Мы же не инженеры, - резонно парировал Лешка.

– Да, ладно тебе, уже обделался, - недовольно возмутился Мишка. – Я на днях был в Речках, виделся с ребятами из СМУ. Так вот, СМУ разваливается, все бегут искать работу. Помните Сергея Жокова? Серега кончил строительный институт, у него семья, дети. Он говорит, хоть к черту готов наняться, семью-то кормить надо. Короче, он готов пойти в нашу бригаду мастером.

При последних Мишкиных словах друзья притихли, видно было, что они задумались, поняв, – Мишка не «ля-ля му-му» разводит, а судит что-то резонное, им самим уже обдуманное.

– Месаил, - наигранно поднял палец Сашка, - не гони волну. «Народ хочет разобраться, дело для нас новое, незнакомое», как сказал товарищ Бывалый в известном фильме Л.Гайдая. Давай по сто граммов, просветлим сознание.

– Я те дам «Месаил», - дружелюбно, но вроде как возмущаясь, чувствуя, что ребят проняли его слова, отчеканил Мишка, застыл на минуту в рисованной позе и каким-то голосом сверху сказал, - наливай!

Ребята договорились быстро. Объявили Мишку бригадиром. Обещали оторвать ему кое-что, если дело не пойдет. Мишка обещал им тоже, если будут пьянствовать и не будут ему и Сергею Жокову подчиняться.

Все они, хотя и были деревенские - шибутные, но толковые. Внутренне как будто ждали Мишкиного предложения. Все послужили в армии, часто бывали в городе. Хотя г. Речки скорее напоминал большой поселок, но новые веяния жизни проникли и сюда. Молодежь в Речках преображалась, каждый по-своему делал деньги, казалось, молодые ребята и девки, отрабатывают за родителей, за своих дедов и бабок, проживших век в нищете, унижении и пьянстве. Они даже внешне преображались: возможность заработка как бы разогнала в их глазах муть безделья и отчаяние обреченных. Многие уже раскатывали на своих машинах, а некоторые даже на иномарках. Хотя еще часто можно было видеть возле пивных и на рынке

лиц неопределенного возраста и пола в вонючих клифтах и с мордами, напоминающими куски старой заветренной говядины на прилавках магазинов.

Деревенские ребята все это видели и, кто еще не совсем «сошел с катушек», стремились приобщиться к новой и во многом непонятной жизни.

Чего стоило Мишке поставить свое дело на ноги – отдельный разговор. Затем появились богатые дяди, которые уже знали, чьи бригады можно нанимать, а кто халтурит, и кого надо гнать «в зашей». Мишкина команда лидировала в районе, пользовалась уважением, хотя в город ее не пускали. Там были свои лидеры. В общем, строительный бизнес, как говорится, делил рынок на сферы влияния.

Дисциплина в бригаде была жесткая, но правильная, и ребята с ней считались. Жили Мишка «энд компани» весело, много работали, здорово поправили родительские хозяйства, женились, обзавелись жигулями. Гуляли по поводу «сдачи объектов» не с девками на стороне по кустам и ночным баням, а с семьями, да так, что деревня на «уши вставала». На столе всегда присутствовала уха из стерляди, шашлык, и плов готовили только из парного мяса с рынка. Не переводилась и закуска из городских магазинов. Правда, по привычке предпочитали самогонку, но хорошо очищенную и настоящую на травах и почках. Женщины, по желанию, угощались шампанским.

Прихлебатели, тянулись со всех концов деревни, и всех их Мишка угощал, они благодарили, говорили, какой он с ребятами весь из себя невозможный. Но жизнь, есть жизнь. По утрам похмельная зависть халявы шепталась. И то им было не так, и это им было не эдак в Мишке. Они бы поступили бы не так. Мишка этих разговоров не слышал, он с друзьями уже вкалывал на очередном «объекте».

* * *

– ...Она ему отвечает: за десять долларов ты самое большее, так поцелуешь меня в щечку, - завершил анекдот Сашка, и друзья громко захохотали. А в это время «на сопредельной территории» стукнула дверь садового туалета, и почти бесшумно раздвинулись кусты малины. В щели старого забора появилась голова Афанасия Гавриловича. Кряхтя, он пролез в щель, отряхнулся и комически чинно поздоровался.

– Здорово, орлы, - дружелюбно и по отечески покровительственно приветствовал ребят Афанасий Гаврилович.

– Мы не орлы, мы львы, - парировал Сашка.

– Привет Гаврилыч, присаживайся к компании.

– Хорошо тут у вас, а то на веранде мухи заели, что-то в этом году они рано злыми стали. Кусаются.

– Кофе будешь? – спросил кто-то из ребят.

– Да нет, только что чай пил.

– А если чего более существенного? - добавил Сашка.

Афанасий Гаврилович даже бровью не повел на Сашкино предложение. И только острый глаз строителей смог заметить, что реакция Гаврилыча все же была мгновенной. Он оставался прежним, и в то же время все в нем вдруг изменилось: и осанка, и цвет лица, и в глазах появилось нечто, чего не бывает у расслабленного и всем довольного дачника. Это как у охотника в засаде, он вроде начинает дремать в утреннем тумане, но, заслышав характерный шум утиных крыльев, готов в любой момент вскинуть ружье.

– А, что есть? - молвил он мягким, почти безразличным голосом.

– Действительно, Гаврилыч, махнешь стопочку? – предложил Мишка.

– Ну, если за компанию, грех отказываться, - уже другим голосом согласился Афанасий Гаврилович. На этот раз в интонации его голоса звучало не безразличие, а как бы стремление поддержать вроде бы как разваливающуюся компанию молодежи. Весь вид его говорил: «эх..., молодежь, хорошие вы ребята, а без нас, стариков, опять пробуксовываете, чай-кофе пьете, вот и не ладится у вас дело-то».

– Раньше ведь, как говорили, - закручивал разговор Гаврилыч, чтобы он вдруг не ушел в ненужное русло, - «с утра выпил – весь день свободен».

– Саш, доставай, - скомандовал Лешка, а сам уже поднимал край газеты, которая накрывала привычную снедь строителей: «окорочка Буша», картошечку, огурчики-помидорчики, консервы, хлеб.

– Ну, колбасу никто не будет, - сказал он, – что-то она уже пахнет, – отложил увесистый кусок «докторской» под газету.

Как потом выяснилось, этот факт не остался без внимания Афанасия Гавриловича. Дело в том, что глаз его был наметанный, т.к. и он в прошлом тоже вроде как был строителем, хотя в бытность свою большую часть трудовой жизни провел не на строительных лесах, а в конторе, работая инженером по технике безопасности.

Стакан Гаврилычу никто не давал, каким-то образом он сам оказался в его твердых руках.

* * *

О руках Гаврилыча ходили легенды. Бывалые люди рассказывали, что в компании за столом, а чаще на газете на стройплощадке или на реке под кустами, Гаврилыч умудрялся, наколов вилкой селедку и возвращая руку на привычное место, на ее обратном пути зацепить мизинцем с газеты еще и огурец или помидор, или что там еще лежало на пути следования. Но вершиной его искусства был указательный палец.

В период повышенной деловой активности Гаврилыча подоспел юбилей управления. Событие торжественное и радостное, к тому же ответственное. Нужно было все продумать,

предусмотреть. Поощрить заслуженных, да и не забыть кого. Доклад подготовить обстоятельный. Гостей из области принять. Продумать, кого из района позвать, а кого нет. В общем дело известное.

Начальник созвал совещание, собралось все руководство, да по отделам собрали кто пошустрее. Есть такая категория работников, которые в будни не переработают, но на организации какого-либо мероприятия перед начальством тут как тут с горящим взглядом и всем видом – чего изволите. Понятно, что был привлечен и Афанасий Гаврилович.

Начальник сам раздавал поручения. Своим замам – готовить доклад; главбуху и планфишу – накрывать на стол для Президиума; народ помельче – и поручения полегче. Кому двери открывать, кому музыку заводить, кому воду подавать выступающим. Ну и так далее.

Афанасий Гаврилович попал в группу встречающих. Дело не сложное, но ответственное.

– Главное, – наставлял начальник, – не проморгать гостей со стороны и не ошибиться, кого отвести в комнату Президиума, а кого в зал, но и здесь свои тонкости. Смотри, товарищ Мудрый, что бы первые ряды не заняли случайные люди. Принимай всех по списку и проводи до зала, а там сдаешь их уже другому встречающему.

– Не беспокойтесь, – заверял Гаврилыч, утвердительно мотая головой, как молодой конь, на каждое слово начальника, – списки мне уже передали, сейчас ведется их тщательная сверка. Если нужно, подключим молодежь со строек.

– Не нужно, не нужно создавать толчеи, когда много исполнителей, ответственность снижается, вот тут-то и проморгаете кого-нибудь из уважаемых людей.

– Слушаюсь, – охотно записал Афанасий Гаврилович.

Юбилей отмечался как надо, организаторы поработали хорошо, руководство расхаживало в перерывах с довольным видом хозяев. Афанасий Гаврилович и ему подобные, напротив, угодливо сновали перед руководством и постоянно старались ему что-то доложить о чем-то успешно ими выполненном или о том, что другие по своей нерадивости чуть не завалили.

Афанасий Гаврилович чувствовал себя в центре событий. Казалось, что все прочее организовано лишь для того только, чтобы он мог проявить себя. Стоило возникнуть какой-нибудь группе руководящих гостей покурить и обменяться мнениями, он оказывался в центре нее.

– Как настроение, товарищи, – заботливо интересовался он, – есть ли какие вопросы, пожелания? Кто хочет – на втором этаже буфет, туалет внизу. Да, чуть не забыл, приглашенные на банкет все получили? Ну, что ж, отдыхайте, а у меня еще много дел.

И, как-то бочком, в припрыжку, летел, обгоняя всех, дальше.

– Кто это? – интересовались гости.

– Да, какая разница, кто-то из организаторов. Ты лучше скажи, как у тебя поставщики, не подводят, – продолжали разговор гости.

Когда пришло время перемещаться в банкетный зал, Афанасий Гаврилович был уже впереди. Весело играла музыка, все были довольны, наш герой - счастлив.

– Проходите, товарищи, почувствуйте себя как дома.

При этом он следил за действиями начальника управления и ловко повторял их на своем фланге приглашенных, охотно, но не торопясь, перемещавшихся в приятно томивший их воображение банкетный зал. А Афанасий Гаврилович спешил скорее добежать до зала, чтобы вцепиться в ручку его дверей и еще раз проявить перед всеми свое гостеприимство. Понимал ли он тогда всю нелепость своего поведения или нет, но очевидно, что желание попасть за стол с руководством было сильным и устойчивым. Хотя у руководства на этот счет были иные планы, поэтому приглашения на банкет он не получил.

Когда Гаврилыч был готов протянуть руку к заветной дверной ручке, его кто-то окликнул, он отвернулся всего-то на секундочку, но повернувшись, увидел перед собой широкую спину главного технолога комбината.

Проскользнуть между спиной и дверью было невозможно. Главный технолог так посмотрел на А.Г.Мудрого, что тот отпрянул и в какой-то момент оказался зажатым между дверью и стеной. Этот взгляд Гаврилыч запомнил на всю жизнь. Когда он увидел, что дверь перед его носом уже закрывается, его охватило смятение. Можно только догадываться, какие мысли пронзили в этот миг голову инженера по технике безопасности... «Как же так, праздник! Все там! Пьют, гуляют, говорят тосты, хвалят друг друга! А я один здесь, никому не видимый, выпить не с кем, слово сказать некому?»

Но не таков был наш Афанасий Гаврилович. В последний момент, когда дверь готова была захлопнуться, он взял да сунул ладонь в дверной проем. Дверь с силой хлопнула и защемила ему пальцы. Гаврилыч только с чувством ухнул, как филин, на глазах его появились слезы. Зато дверь спешно открылась. Он протянул вперед руку с таким видом, что в глазах его полных слез все прочитали мольбу: «Неужели и после этого не пустите?»

Не дожидаясь разрешения, он решительно шагнул в зал, найдя на этот раз в себе силы посторонить главного технолога, чему тот немало удивился.

Афанасий Гаврилович не просто оказался, хотя и с краю стола, с начальством, ему еще весь вечер и сочувствовали. А он только скромно отшучивался да каялся в своей в неуклюжести.

– Чего уж там, - голосом раненого, но в целом счастливого человека говорил он, - сам виноват. Хотел прикрыть дверь, да замешкался, руку с косяка не убрал, вот и получил за нерасторопность.

При этих словах у человека, сидящего напротив и наблюдавшего сцену в дверях, глаза становились выпученными. Он жадно пил воду и с нескрываемым удивлением, не мигая, смотрел на Афанасия Гавриловича. А тот с удовольствием выпивал и с аппетитом закусывал. С чувством говорил, какое новое начальство проводит верный и твердый курс, как оно спас-

ло от развала их строительно-монтажное управление, ну и так далее и тому подобное. В общем, все сложилось ладненько, как об этом совсем недавно только мечталось.

В больницу Гаврилыч не пошел, а зря. Указательный палец у него пострадал здорово, а когда боли прекратились, он как-то оттопырился кверху, слегка загнулся и завис в этой позе как светофор.

Боли проходят, а вновь приобретенные качества остаются. Афанасий Гаврилыч по гроб жизни должен быть благодарен тому дню, когда его трудовой руке было нанесено увечье. Очень быстро «светофор» был поставлен на службу застольного дела.

Наш герой натренировал руку следующим образом. Он брал стакан, как водится, большим и средним пальцами. Придерживал его безымянным и мизинцем. Но главную функцию выполнял «светофор». Когда в стакан наливали, «светофор» почти незаметно, чуть-чуть поворачивался и зажимал горлышко бутылки между пальцем и стаканом. Вначале разливавшие пытались сопротивляться этой несправедливости в братском деле разлива, но со временем поняли, что воля Гаврилыча непреклонна, а «светофор» не разгибаем. Будучи людьми в сущности добрыми и нежадными, а главное, покупавшими всегда впрок, компаньоны Гаврилыча вскоре отступились, и разливающие не спешили, ожидая, пока «светофор» так же незаметно, как и зависал над горлышком, отклонится назад.

* * *

– Гаврилыч, мы не будем, – строго, но доброжелательно сказал Мишка, – мы ждем хозяина, так что давай самостоятельно.

Сашка достал из-под стола чуть початую банку самогонки и наклонил ее над стаканом Гаврилыча. «Светофор» привычно повернулся, но тщетно пытался прижать широкое горлышко банки к стакану. Сами понимаете, размеры того и другого были не сопоставимы. Палец пытался зацепиться хотя бы за какую-либо щербинку, но банка была гладкая, и он каждый раз сползал, хотя не терял надежды добиться цели при следующем усилии.

– Как-то вы, молодежь, не умеете обставлять дела красиво, путево, – с горечью заметил Гаврилыч. – Закуска у вас разбросана по столу, мухи по ней так и шныряют, вот и самогонку держите в банке, как прощельги какие. Нет бы разлили по бутылкам.

Ребята знали привычки Гаврилыча, поэтому старались спрятать улыбки, а Сашка не хотел обижать гостя и налил ему полную меру. Внутренне Гаврилыч оценил щедрость ребят.

– Ну, будем, – быстро проговорил он и смахнул стакан в глоток, как будто только и размочил язык каплей воды. А другая рука уже несла отменный кусок курицы и в «прицепе» мизинца лоснящийся на солнце помидор.

* * *

Афанасий Гаврилович Мудрый, как и все внутренне целеустремленные люди, был человеком тщеславным. Тщеславие, при умелом его использовании, в целом положительная чер-

та характера человека. Но большинство тщеславных людей, к величайшему сожалению, не умеют, да и неспособны, пользоваться этим даром природы, потому и терпят часто фиаско.

Когда-то, в молодости, наш герой работал в управлении капитального строительства хлопчатобумажного комбината на незаметной, тихой должности технолога нормировочного отдела. Конечно, должность эта его не могла удовлетворять. Работа была хотя и тихая, но незаметная, да и зарплата оставляла желать большего. А главное, Гаврилыч всегда видел себя на передовых рубежах, в первой шеренге плотных рядов, на кого с вождением смотрят окружающие и встречают их неизменно бурными аплодисментами.

С возрастом бурные аплодисменты в его ушах усиливались, и он старался в своих мыслях всячески оправдать доверие. Всю жизнь Мудрый пыжился придумать что-то свое, считал, что его способности просто не замечают из-за зависти. Особенностью Мудрого было то, что он старался поступать не так, как того требовало дело, а по-своему, и главным было не дело само по себе, а стремление соригинальничать на этом деле, что бы все сказали: «Вах! Как просто и умно!»

Он часто представлял, как начальник управления устраивает всем разнос, размахивая папкой бумаг с его проектом реорганизации.

– Вот как надо работать, – кричал начальник на планерке.

– Вы уже который месяц не можете дать хоть какие-то предложения по результатам проверки. А товарищ А.Г.Мудрый, человек скромный и вроде незаметный, один проанализировал и сделал конструктивные выводы, которые вам и не снились. Значит так, оргвыводов о всех вас я пока делать не буду, а Афанасия Гавриловича назначаю своим первым заместителем. Как говорится, большому кораблю, большое плавание. Но если вдруг он мне доложит, что кто-то срывает реализацию его смелых и, я бы даже сказал, новаторских начинаний, то будьте уверены, этот человек в двадцать четыре часа будет уволен.

Сидя в стареньком кресле перед телевизором по воскресным дням на даче, тихо попивая самогонку и захрустывая ее огурчиком, Гаврилыч любил предаваться таким мыслям. Жена ему не мешала. Каким-то внутренним чувством она догадывалась о мыслях мужа, а потому как любила и жалела его, старалась не мешать и уходила на улицу, где с соседками ей было о чем поговорить, благо забот с огородом да цветниками у всех женщин хватало и лишний раз посоветоваться с умудренным опытом не мешало.

– Действительно, – подумал Афанасий Гаврилович, засыпая перед телевизором, - надо завтра подумать, может какая светлая мысль и залетит в голову.

Наутро мысли роились в голове Гаврилыча. Но все они были как уроды-мутанты и не связывались в единый проект коренной реконструкции. Он понимал это и потому страдал. Однако думать надо было. Не век же сидеть технологом в этом болоте.

Наконец, вот оно, пришло время, когда судьба приоткрыла двери, и голос откуда-то глубоко изнутри скомандовал:

– Ну, Гаврилыч, вперед!

Дело в том, что прошел слух, что в управлении создается отдел по технике безопасности. Раньше был один Г.Г.Стегарев инженером по технике безопасности, но управление росло, и было принято решение о развертывании строительства на комбинате. Стало очевидным, что только одним инженером здесь не обойдешься.

А.Г.Мудрого учить не надо было, как поступить в этой ситуации. План действий созрел быстро, и уже с видом начальника отдела по технике безопасности он оказался в приемной.

– Машенька, – доброжелательно, но как-то чуть-чуть сверху попросил он, – запишите меня на прием.

– Афанасий Гаврилович, – изумилась секретарь, – помилуйте, какая запись, Иван Иванович у себя, давайте я доложу.

– Ни в коем случае, у меня не служебный, а личный вопрос, поэтому прошу записать, так сказать, в установленном порядке.

Как было предусмотрено планом действий, Афанасий Гаврилович прибыл на прием в «установленном порядке». Начальник приготовился с вниманием слушать посетителя.

– Уважаемый Иван Иванович! – стараясь сдерживать торжественность в голосе, начал Мудрый свою речь. – Я уже не первый год работаю в управлении и стараюсь выполнять свою работу добросовестно.

– Еще один пришел просить прибавки к зарплате, – подумал начальник, печально посмотрел на просителя и приготовился выслушивать его нудное самохваление.

– Однако, – продолжал Афанасий Гаврилович, – с годами я понял, что моя работа перестает приносить мне удовлетворение. Я понял, что это работа для начинающей молодежи или заканчивающих пенсионеров. Мухи и те в нашем отделе не водятся.

При упоминании о мухах лицо начальника приняло вопросительно-ожидательный вид. А Гаврилыч, будучи весьма довольным произведенным эффектом, продолжал развивать свою мысль в том направлении, что управление поднимается на все более высокие рубежи своего развития. Жизнь кругом бурлит. А он вынужден прозябать в тихой заводи нормировщиков и только со стороны, из окна, видеть, как массы, сплотившиеся вокруг исторических решений, твердой поступью идут в светлое будущее.

Начальник откинулся в кресле, лицо его стало похоже на фотографию в партбилете, и, казалось, он хочет дослушать выступление товарища А.Г.Мудрого стоя. Но глаза Мудрого как бы говорили: «Ладно уж, чего там, сидите».

Раскалив атмосферу рассказом о «твердой поступи» и «светлом будущем», Гаврилыч резко перешел к изложению своей гражданской позиции.

– В этих условиях, – патетически и с придыханием заявил он, – я не могу больше прозябать в этом отделе. Вся душа моя рвется на волю и просит настоящего дела. Я не ищу выгод-

ных должностей, а хочу настоящей живой работы, чтобы чувствовать себя в гуще событий и быть полезным производству.

Он несколько раз обыграл сюжеты о «воле», «гуще событий», «настоящей живой работе», о стремлении быть всегда на «острие атаки». Растроганный Иван Иванович подумал, что его посетитель еще чуть-чуть и «ради настоящего дела» откажется от зарплаты. Но Мудрый вовремя остановился и от зарплаты не отказался.

– Иван Иванович! – с чувством обратился он к начальнику и с видом экзальтированного борца за идею закончил, - прошу Вас, как настоящего руководителя и старшего товарища, поддержите мою просьбу.

Ошарашенный начальник не сразу нашелся, что ответить сидящему перед ним странному человеку. «Неужели все это он молотил всерьез или действительно такие динозавры еще существуют. Что-то здесь не совсем так? – подумал начальник.

– Чем же Вам помочь? – наконец принял деловой вид Иван Иванович. – Свободных вакансий, вроде, нет на тех направлениях работы, о которых Вы просите. Но и отпускать Вас так просто не хочется, уж больно Вы меня заинтересовали, напомнили мне мою молодость. Я ведь то же не любил сидеть в конторах.

– Иван Иванович задрал очки на лоб и отрешенно посмотрел в окно. Казалось, вся его жизнь предстала в этом окне, как на экране телевизора.

– Впрочем, постойте, - встрепенулся он, - мы же создаем отдел по технике безопасности. Это, конечно, не то, о чем Вы просите, но лучше того, где Вы сейчас работаете. Нужный отдел, работа живая, с людьми, не кабинетная, как Вы сказали, «в гуще событий», постоянно будете выезжать на объекты. Как Вы на это смотрите, Афанасий Гаврилович?

Сердце Афанасия Гавриловича приятно защемило, как будто его посылали в космос командиром международного экипажа. Дыхание перехватило. Он только и смог выдать:

– Согласен.

– Ну, вот и прекрасно, пишите заявление о переводе Вас на должность инженера, поздравляю, – с чувством заключил начальник и еще раз с недоумением посмотрел в глаза Гаврилыча. – И зарплата там больше, квартальные, в общем, все, как положено, надеюсь, Вы останетесь довольным. А будущее покажет, со временем, может, подберем, как Вы просите, работу и на стройплощадке. Вот не знамо дело-то, ведь перед Вами у меня был человек, назначили его начальником отдела. Не наш, взяли со стороны, но характеризуют как толкового руководителя и хорошего специалиста. Вы, думаю, сработаетесь. Могли бы уже сейчас и познакомиться с ним.

До Гаврилыча смысл сказанного дошел не сразу. В начале в его ушах оркестр перестал играть марш «Победителей», и он увидел, что оркестранты собирают инструменты, потом – как демонстранты сворачивают транспортеры с его изображениями, а рабочие снимают праздничные плакаты со зданий. Потом он почувствовал, что стало холодно и сыро. Попро-

сил горячего чаю, но на трибуне никого не оказалось рядом, и только дворник, подметавший трибуну, горько отрыгивал чем-то неприятным. Запахло битумом, цементом, портянками и какой-то помойкой. Снизу милиционер кричал ему: «Освободите территорию, концерт окончен». К нему подошла пионерка, бодро салютовала рукой и произнесла речевку: «Да здравствует рабочий класс – честь и гордость современной эпохи!»

– Товарищ инженер, – сказала она, – идемте домой. Завтра Вам приступать к новой живой работе в массах.

Миг наваждения прошел. Гаврилыч понял, что произошло: должность он не получил, а необходимость мотаться по объектам и всегда быть в «гуще» ему были обеспечены.

– Завтра же и приступайте к работе, – откуда-то из пустоты услышал он голос Ивана Ивановича, – начальнику отдела я позвоню. Еще раз поздравляю.

Когда Гаврилыч очнулся окончательно, они уже стояли у стола и крепко трясли руки друг друга, как это делают мужчины в минуты откровения и взаимопонимания.

Выйдя из кабинета, вид у Афанасия Гавриловича был такой, что секретарь испуганно спросила: «Что с Вами, Афанасий Гаврилович?!» Он только и смог произнести: «Получил новое назначение», как слезы, скопившиеся где-то там внутри, хлынули у него из глаз. Он плакал тихо и с достоинством. Не всхлипывал, не строил рожи. Просто слезы текли и текли. Его фраза: «Получил новое назначение» была как-то не кстати. В таких случаях обычно говорят: «перевели на новую работу» или «перевели в другой отдел». Но эта фраза была заготовлена заранее, чтобы оттенить значимость желанного перехода в категорию начальников, и отказаться от нее Мудрый психологически еще не мог. Все существо Гаврилыча противилось случившемуся, потому автоматически на ожидаемый вопрос последовал желанный ответ: «Получил новое назначение».

Простым людям поведение А.Г.Мудрого в приемной понять было невозможно. А здесь - содержание разговора с начальником, да еще и слезы в приемной стали каким-то образом достоянием гласности. По управлению долго ходили слухи, как Афанасий Гаврилович рвался на стройку простым рабочим, а начальник его не пустил, потому что как, заявил он, рабочих у них и без него хватает, а он нужен здесь. Вот попробуй, когда надо, посиди в отделе. Говорили, что только ссылка на последние постановления подействовала на Мудрого.

Так он оказался простым инженером в отделе по технике безопасности. Потом на собраниях его часто приводили в пример как самоотверженного бойца на стройках комбината. Гаврилыч ценил такое к себе отношение и продолжал оправдывать доверие, проявляя активность при каждом удобном случае, за что однажды его даже сделали народным заседателем в городском суде. Но обо всем этом Афанасий Гаврилович, считавший себя человеком скромным, вспоминать не любил.

- Ну, был разговор с начальником, просил он поддержать управление, возглавить отдел. Я отказался, зачем это мне, там и без меня хватает выскочек. Помогать, подсказывать новому

начальнику обещал, а самому руководить..., тем более, что всего-то на двадцатку побольше, увольте. Да ладно, что об этом вспоминать, что было, то было.

* * *

Ребята не спеша отхлебывали кофе, с удовольствием курили и с интересом наблюдали за Афанасием Гавриловичем. Не отрываясь от главного (закуски), он постепенно начал переходить к следующему акту действий, рожденному его натурой и отработанным годами. После выпивки он обычно начинал всех учить, объяснял, что все вокруг неправы, а его не хотят слушать, но ведь он не дурак, жизнь прожил, да еще какую. При этом ему было все равно, о чем говорить, главное, выговориться, главное, чтобы его слушали и не перебивали. А потом уже восхищались: «Ну, Гаврилыч! Все-то ты знаешь! Ну, ты даешь! Молодец!».

Когда Гаврилыч «брал слово», он становился похожим на Дельфийского оракула. Что там оракул!? Казалось, весь Синедрион должен трепетать, а волхвы не смеют поднять взгляда. И горе тому, кто посмеет осквернить таинство его речи, перебив или, не дай Бог, усомниться в истинности им сказанного.

– Не лезь, - авторитетно заявлял он, - ты в этом ничего не понимаешь, молод ты еще перебивать старших.

Впрочем, перебить его было трудно. Он, как тот соловей, не слышал голосов извне. Ему хватало того, что изрекали его уста.

Нес он явную банальщину, а потому был похож на школяра-отличника, который знал столько, сколько узнал, и не больше. Он пересказывал то, что запомнил из где-то, когда-то прочитанного или услышанного, но пересказывал это так авторитетно, как будто сам к этому пришел долгими бессонными ночами и многолетним изнурительным трудом. В отличие от специалистов, которые знают, что говорят, Гаврилыч обычно спешил выпалить все, что знал, поэтому выглядел нелепо и вызывал у аудитории насмешки.

В это утро, изрядно ополовинив банку, он долго и нудно поучал ребят, как нужно раскладывать строительный брус, как рубить финский замок и «ласточкин хвост», как шкантить и т.д. и т.п. Ребята только почесывали твердые от работы ладони рук да ухмылялись на то, как, порой, неловко звучали поучения всезнающего Гаврилыча.

– А что вы сейчас суετε между брусом? – негодующе торжественно вопрошал он. – Вот ведь раньше сушили мох и его забивали между брусом, да конопатили в два захода. А вы, запузыриваете какую-то пену и думаете, что молодцы. Э..э..эх, молодежь, учить Вас не выучить, да вы и слушать-то никого не хотите.

Как раз ребята-то спокойно его слушали, да вот скучно им было от этого. Все это они давно знали, не один дом срубили. А «учитель» их, если и держал топор, то только для того, чтобы нарубить дров.

* * *

Закусывал Гаврилыч быстро, с двух рук. Иной бы подумал, что он голоден. Но нет, голода он не знал, всегда жил без богатства, но все основное было при нем. Быстро есть было его натурой. И вся его натура как бы говорила: «Надо скорее заканчивать со всей этой вашей пьянкой и наконец-то заняться полезным делом».

Однако, когда Афанасий Гаврилович еще работал, было замечено, что он никогда не отказывался от компаний. Только при этом он всегда предупреждал: «Сегодня у меня денег нет, отдам в получку».

Однажды один незадачливый «кредитор» в день получки попросил Гаврилыча вернуть пятерку. Афанасий Гаврилович так посмотрел на «кредитора», тот понял: он нанес человеку неизгладимое оскорбление. Гаврилыч медленно сунул руку в карман, долго хрустел там деньгами, потом безошибочно достал оттуда рубль, протянул руку заимодавцу и помертвевшим голосом сказал:

– Спасибо, нате Вам Вашу пятерку.

Человек инстинктивно потянулся за деньгами, но кулак Гаврилыча не разжимался, пальцы в нем от напряжения стали белеть.

– Берите, берите, что же Вы, - как будто в беспамятстве повторял Гаврилыч. При этом глаза его остановились, губы свело в форме куриной гузки. Весь вид его говорил: «Вот они, люди, готовы последнее отнять. Пятерку! Ты иди ее еще заработай. И когда я ее у тебя мог взять? Опять меня с кем-то перепутал. Но я гордый: «Нате Вам, берите, если не стыдно».

При этом было очевидно, что кулак его так просто уже не разожмет.

– Афанасий Гаврилович, что с тобой? – заикаясь, взволнованно спросила проходившая мимо секретарь начальника.

– Не знаю, – протянул тот, – что-то с сердцем, что-то внутри все похолодело.

– Да ты присядь. Эй, кто-нибудь? Дайте воды, Мудрому плохо. Афанасий Гаврилович, потерпи, сейчас найду машину, отвезем тебя домой.

– Спасибо, – только и простонал Гаврилыч, и на глазах его заблестели слезы.

С тех пор все боялись спрашивать долги с Гаврилыча. Как бы чего не вышло. А то, действительно, возьмет и дуба даст. За пятерку-то.

* * *

А еще традицией Афанасия Гавриловича было посещение объектов с проверкой техники безопасности по пятницам в обеденный перерыв. Городишко наш небольшой, но строители не имели обыкновения ходить домой обедать, а столовых в то время в городе, а на стройках тем более, не было. Вот и брали мужики поесть из дома, что Бог послал: картошки, капуста, помидоров, яиц, да огурцов с луком–чесноком. За самогонкой отряжали из подсобников загодя. Вот и получался обед. Чего куда-то еще идти? Если удавалось оторвать в магазине кусок колбасы да спроворить селедочку, то – гуляй, не хочу.

А.Г.Мудрый был мудрым не потому, что все это знал, а потому, что знал, как этим можно воспользоваться. Знал он, что техника безопасности на стройплощадках не соблюдается, а если и соблюдается, то всегда в ней можно найти свои изъяны. Знали это и строители. Поэтому, когда им звонил Мудрый, они наигранно бодро отвечали: «Ждем».

Папка с недочетами по технике безопасности по отдельным объектам лежала у Афанасия Гавриловича в столе. Работал он давно, поэтому папка была толстая. Но никому и ни когда он ее не показывал. А потому как человек он был незлобный, то в отчетах, если и писал о нарушениях, то как о некоторых недостатках на отдельных объектах, которые если не сегодня, то завтра-послезавтра точно будут устранены. За это строители его почти любили, хотя за спиной посмеивались и пересказывали байки об особенностях его натуры.

К каждому выходу на объект Мудрый готовился. Он заранее предупреждал строителей о визите, чтобы и те готовились; доставал заветную папку, долго листал ее, что-то читал и, по всей видимости, запоминал. Потом закрывал, отрешенно смотрел в окно, непроизвольно поглаживая ее. В эти минуты он был похож на Цезаря, которому предстояло перейти Рубикон. Но, в отличие от Цезаря, Мудрый знал, что его Рубикон будет перейден успешно.

Да что не говори, Гаврилыч был мастером своего дела. В какой-то момент он, как бы очнувшись от своих мыслей, клал папку в стол, запирал его, вставал и выходил из кабинета.

Посещение стройплощадки было особым ритуалом. Афанасий Гаврилович не шел в конторку начальника, а самостоятельно отправлялся на тот участок, который указывала папка. Там он с видом Н.С.Хрущева, осматривавшего выставку художников в Манеже, изучал на месте обстановку, руководяще красиво беседовал со строителями и что-то постоянно записывал в блокнот. Было трудно понять, чем он доволен, а чем нет. Хотя строители-то знали, что у них как. Пока Гаврилыч строил мудрое выражение лица и наставлял нерадивых строителей, кто-то из молодых уже мчался к начальнику участка, и тот вскоре появлялся перед светлыми очами нашего героя.

– Здоров, Афанасий Гаврилыч, ты чего не зашел, ходишь здесь по грязи, я бы и так тебе все рассказал, мы что не знаем наших проблем? Я и сам хотел к тебе на неделе заглянуть, да где там. Крутишься здесь, минуты нет свободной.

Афанасий Гаврилович, как бы в пол-уха слушая объяснения начальника, продолжал в полглаза осматривать объект. Когда тот, наконец, замолкал, начальственно, за руку прощался со строителями и произносил:

– Ну, что ж, пошли, посмотрим документы и побеседуем. – На прощание обращался к строителям, – А разговор наш, товарищи, не забудьте, обсудите в коллективе, ведь ваше мнение не последнее в принятии наших решений.

Визиты Мудрого на стройплощадки производили на простых строителей неизгладимое впечатление. «Вот ведь человек не дает начальству впаривать очки, сам изучает ситуацию, все записывает, а завтра, глядишь, и доложит кому надо. А главное, со всеми за ручку

«здравствуйте», «до свидания», «желаю успехов». Не то, что наш, только и знает матом крыть».

В конторке начальника участка был свой порядок. Если на стол не было еще накрыто, Гаврилыч спрашивал, сколько времени.

– Афанасий Гаврилович, ты чё до сих пор так без часов и ходишь? – шутил кто-нибудь из присутствовавших.

Мудрый был человек обстоятельный, с ним шути не шути, носи часы не носи, а время, когда он заходил в конторку, было точно не более пятнадцати минут первого, т.е. время обеда, и пора было произносить: «Ну, давайте для начала перекусим».

Пока участники «совещания» рассаживались за столом, Афанасий Гаврилович обращался к начальнику:

– Ты, вот что, напиши справочку о состоянии техники безопасности на участке. У нас готовится совещание, хочу тебя как положительный опыт показать. Приказ знаешь – вопрос ставится серьезно. Да не забудь указать недостатки, в порядке самокритики, а то руководство не поймет в свете последних постановлений. Оно нервничает, никак не может сориентироваться, а к советам не привыкло прислушиваться.

– Гаврилыч, ты все правильно говоришь, - с пониманием поддерживали его, – вот только жаль поздно предупредил, что придешь. Сказал бы раньше, у нас здесь под боком прудик великолепный, так молодежь наладилась карасей оттуда таскать. Поверишь, карасики с ладонь, даже больше. Так ты давай, как-нибудь не наскоком, а договоримся загодя. Мы этих карасиков, да с маслицем, да на сковородочке. Тогда и поговорим, как мы здесь все маемся на ветру, да под дождичком.

Компания дружно захохотала.

– А, если серьезно, справку я тебе подготовлю. Ты меня знаешь. Ну, у всех стоит? – Стаканы у всех стояли в полной готовности и томительном ожидании, когда их приведут к характерному звону и освободят, наконец, от бремени налитого. Стаканы стояли у всех, кроме Гаврилыча. После того, как ему было налито, его рука уже не могла оторваться от посуды.

Когда было выпито по третьей, курильщики потянулись к папиросам. Кто-то из молодых, раззадоренный самогонкой и сытым желудком, весело спросил:

– Афанасий Гаврилович, а вы последний анекдот про двух евреев слышали?

Гаврилыч пустых разговоров за столом не любил, он приехал в эту грязь и пыль не анекдоты слушать, их достаточно «травили» и в управлении.

– Ты погоди со своими анекдотами, лучше окно открой, а то надымили, куряки, дышать нечем.

Молодой кинулся к окну и распахнул его. Гаврилыч повернулся к нему как бы подышать свежим воздухом.

– Вот, я о вас «передовиках» все забочусь, стараюсь вперед вытянуть, вместо того чтобы в пятницу пораньше домой сбежать, иду к вам через весь город, дым ваш нюхаю, а вы посмотрите в окно, что у вас на территории делается? Бардак. Пиломатериалы разбросаны, горы мусора, строительных отходов больше, чем полезных материалов. Щебенку грузовики в грязь укатывают. Вам повезло, что я приехал, увидел бы «главный», стало бы вам не до карасиков.

Строители зашевелились и переглянулись в ожидании. К чему это Гаврилыч клонит?

– Да, Гаврилыч, ты прав, давно хочу навести порядок, но руки не доходят, то квартал закрываем, то - полугодие. Но обещаю, в ближайшее время займемся.

– Хорошие вы все мужики, но порядок-то нужно поддерживать. Вы куда этот хлам обычно отвозите?

– На городскую свалку.

Мудрых людей, не по фамилии, а по жизни на свете много. Наши строители тоже были люди опытные, они начали кое-что понимать, к чему это Гаврилыч клонит. А главное, ведь он был прав, порядок на территории должен быть.

– Да жалко на свалку-то возить, это все для нас строительный мусор и отходы, а у хорошего хозяина они бы пошли в дело. На той же свалке не успеешь разгрузиться, как местные в свой кузов уже грузят. Гаврилыч, может, тебе на дачу кузовок забросим, глядишь, пригодится: где досточку подобьешь, где подкрасишь, у ворот лужицы щебеночкой засыплешь?

– На черта оно мне, возиться-то в мусоре. А потом, какая там дача? Халупа-развальня. Ее не ремонтировать, а сжечь, да жалко. Память от родителей. Хотя, если помоечники расхищают, то, может, ты и прав, лучше своим работягам подкинуть. Ну ты смотри, как решишь. Только мне на этот мусор какой-никакой документ оформи. Порядок должен быть, я не люблю, когда тащат по домам все, что могут, а производство потом страдает.

– Это обязательно, я понимаю, сам люблю порядок. Другие на этом деле дачи себе понастроили, а я заначил две пустые бочки из-под солярки и то некогда на садовый участок отвезти.

– Хорошие бочки-то? – подхватил Гаврилыч.

– Бочки как бочки, дождевую воду с крыши собирать, хочешь поделюсь, зачем мне две. Просто жалко на помойку выбрасывать, да и здесь держать, сам же говоришь, порядок наводить надо. Ладно, Гаврилыч, я устрою субботник, сам посмотрю, что на помойку, а что тебе. Ты там в управлении узнай, может, кому чего надо. Спасибо, что подсказал, порядок надо наводить.

Хозяин осмотрел стол, компанию и наигранно строго спросил:

– Почему не налито?

«Светофор» Афанасия Гавриловича в момент возвысился над столом, как бы давая «зеленую улицу» продолжавшемуся застолью.

Расходилась компания уже в сумерках. Всех слегка «штормило», Афанасию Гавриловичу подали дежурный грузовик. Прощаясь, он все бубнил что-то про справку к совещанию, присутствовавшие устало заверяли о своей готовности. Залезая в грузовик, он на минуту остановился, повернулся назад и серьезно произнес:

– А главное, не забудь устроить субботник до совещания.

Когда машина отъехала, кто-то предложил: «Ну, что, на посошок? А то все «субботник, да субботник», «справка, да справка». Знаем мы твои справки. Всегда так дело обставит, как будто ты ему еще и обязан. Сам строчку написать грамотно не может, вот и ищет, кого бы зарядить, чтобы потом перед начальством выпендриться. Если ему что надо, то обласкает тебя с ног до головы, какой ты умный и способный, лишь бы ему справку написали или сделали что-нибудь. Всю задницу тебе расцелует вдоль и поперек, лишь бы самому ничего не делать.

– Ладно тебе, не злись, Гаврилыч – не самый худший. Этот хоть начальству не продает, если с ним по-хорошему обходиться. А что любит на чужой шее прокатиться, так не он один такой. Кто не любит? Заряди ему грузовичок, да только грузы не с крышей, а то у него рожа треснет. Пошли на посошок.

* * *

Воровали и приворовывали в то время все. Исключение составляли лишь те, кому тащить было нечего или те, кто боялся тюрьмы больше, чем кары Господней. Они составляли ораторский актив на собраниях по борьбе с расхитителями и близко примыкали в повседневной жизни к так называемым «несунам».

В свое время этот звонкий титул имел большое хождение. Им обладали почти все, кто был связан с производством, но по-крупному не воровал. «Несун» – это воришка в особо мелких размерах, это тот, кто тащил все по мелочи, что плохо лежит. Женщины на хлопчатобумажном комбинате наматывали под платья по несколько метров ткани и старались миновать проходную, еле-еле протискиваясь в щель забора. Щель заколачивали, но вскоре она появлялась в другом месте. Тот, кто заколачивал эти щели, сыпал гвозди в нашивной изнутри карман пиджака и лез в ту же щель. Электрики обматывались проводами. Рабочие цеха, где для протирки точного оборудования применялся спирт, обвешивали себя грелками со спиртом. Строители ..., ну со строителями и так все ясно.

Афанасий Гаврилович не воровал, как-то обходился без этого. Правда, от «помощи» друзей, как видим, в нужный момент не отказывался. Однажды видели, как по темну он пер, держа в обнимку, какой-то предмет, при свете луны похожий на унитаза, а на шее деревянный круг от унитаза. От напряжения он порой вздрагивал, поправляя неудобную ношу, при этом ветер трепал его космы, а весь вид напоминал строптивного коня. Предмет был не из магази-

на, какие могут быть магазины в это время? Явно, опять друзья подбросили какую-нибудь «некондицию».

Лихое было время. За бутылку самогонки любой тракторист готов был притащить тебе из леса ствол сосны или березы на дрова. Водитель самосвала - привезти навозу, щебня или чего тебе там надо. Любой строитель - содрать со строящейся крыши кусок жести, а утром сказать, что ветром сдуло. Сейчас все не так. Вернее сказать: привезут все тоже, но не за самогон. Плати, говорят, деньги, а самогонку на них мы и сами, если надо, купим. Да и нести стало нечего. Все спрятано, убрано, подсчитано и запаковано. Нужны тебе отходы со стройки? Пожалуйста, сейчас подсчитаем, погрузим и привезем. Ты им бутылку, а они - мы не пьем, платите.

* * *

– Гаврилыч, ты на курицу налегай, - добродушно посоветовал Сашка, - это уже не «око-рочка Буша», а «ляжки Моники Левински» - они помягче.

Как мы уже знаем, ел Гаврилыч быстро. И не просто быстро. Как и все, что он делал, ел он, тоже, можно сказать, профессионально. Каким-то образом при его значительном росте он так оседал за столом, что голова оказывалась склоненной почти в тарелку. Нижняя губа его оттопыривалась вниз, как говорили в деревне, чапельником. И он с двух рук заправлял продукты за обе щеки, да так ритмично, что окружающие готовы были отдать ему всю закуску, лишь бы посмотреть, как он с ней управится. При этом весь вид его как бы говорил:

– Вот, вы здесь пьянствуете, а дела стоят. Я только ради компании бросил все и забежал к вам на минутку. Ладно уж, праздник, так праздник.

Отрываясь от тарелки, он обычно толкал в бок рядом сидящего и просил:

– Что там еще? Подкинь чего-нибудь вкусенького.

Если ничего «вкусенького» не оказывалось, он, дабы обозначить свое присутствие, произносил бодрый и многозначительный тост за старшего за столом и незаметно исчезал. Когда о нем вспоминали, какой-нибудь остряк, подражая Гаврилычу, делал серьезно-комическое лицо и докладывал: «Ушел в бухгалтерию сверять цифры квартального отчета», или, – «уехал на объект».

На что компания всегда реагировала с юмором:

– Горит человек на работе, вот он пример истинного служения Отечеству даже по праздникам.

– Гаврилыч у нас деловой, известное дело.

– Суетность, не признак деловитости.

– Ничего, к вечеру остынет.

Проходя мимо бухгалтерии или какого-либо другого отдела, где тоже отмечали праздник, действительно можно было услышать голос Гаврилыча:

– Поднимая это бокал, еще раз хотелось бы сказать большое спасибо нашему главбуху за то, что он всегда готов поддержать смелые инициативы, вот и сейчас мы получили от него четкие данные, которые необходимы нам при составлении квартального отчета.

Вечером походкой как бы размеренной, но не твердой, так обычно ходят сильно подвыпившие люди, Гаврилыч возвращался домой уже со стройплощадки «задами», чтобы его не увидели знакомые. Изредка он взмахивал руками и разговаривал сам с собой.

– Ну, мой квартальный отчет, конечно, будет на виду. Но пора готовиться к годовому, - время от времени, он отрывал, останавливался и мучительно делал несколько глубоких вдохов. К вечеру сказывалась усталость и тяжесть в желудке.

– Годовой отчет – это тебе не хухры, мухры, это ого...го!

– Да, – глубокомысленно повторял он, - надо чаще бывать на объектах, живая работа в массах – залог хороших отчетов. Надо молодежь активнее привлекать к составлению документов, среди молодых есть толковые ребята, в институтах учатся. Пусть пишут, если не хотят соблюдать технику безопасности. Да и чего свои деньги тратить, если они сами угощают, я же не прошу их об этом. Работа на объектах – это тебе не кабинетная возня, и закуска там другая, здесь бабы своими салатами замучили, только пучит от них, а там – карасики в масле. Сейчас самое время, карасики жировать начинают. И дожди еще не начались, а то зарядят, тогда мотайся по грязи, какая уж тут «живая работа», придется сидеть на планфиновских салатах.

Гаврилыч останавливался, в очередной раз отрывал, делал несколько глубоких вдохов и следовал дальше.

* * *

– Гаврилыч, – спросил кто-то из ребят, - говорят ты был народным заседателем в горсуде?

– Да, – важно начал уже изрядно охмелевший Гаврилыч, – был удостоен. В то время ценили кадры, не то, что сейчас. Мы тогда вели бескомпромиссную борьбу с расхитителями социалистического имущества, наказывали людей, не чистых на руку и погрязших в буржуазном образе жизни. Он посмотрел на новенький особняк и пьяно погрозил в его сторону. – Не то, что сейчас, распустились. Ну ничего, наши вернутся, все равно все назад отберем и накажем, чтобы другим неповадно стало.

– Мужики, – деловито произнес Мишка, - хозяин приехал. Сворачивай буфет. Надо же, точно в десять часов, как и обещал.

Гаврилыч засуетился.

– Ну, я пошел, – заторопился он и вытянул вперед руку, в которой красовался стакан. – Давай на посошок, А что вы там говорили насчет колбасы? – вспомнил он.

– Да она пованивает.

– Ничего, я ее Шарикку скормлю, а то вы ее, наверняка, выбросите. Подумаешь, «пованивает», заелись, вы еще настоящего не нюхали. «Пованивает».

Пока Мишка наливал, Гаврилыч второй рукой ловко вынул колбасу из-под газеты, прижал ее к груди, мигом допил «на посошок» и как-то вприпрыжку одним махом оказался в проеме забора.

* * *

Из остановившегося у калитки «джипа» вышли хозяин с женой и его водитель. Хозяин сразу направился к строителям, а жена с водителем достали из машины какие-то сумки и отправились в дом.

– Здравствуйте, артельщики, – добродушно приветствовал ребят хозяин. – А этот чудик что здесь прыгает здесь по участку, – недовольно произнес он и посмотрел в сторону забора. – Малина зашевелилась, и в ней скрылась голова Гаврилыча. – Послал Бог соседа. Миш, попроси кого-нибудь деревенских накинуть временный забор, чтобы мне этого чудика не видеть. Там у нас горбыль-то еще остался?

– Остался, Петр Иванович. А что деревенские? Мы вам сами накинем. Дел-то, на пол дня работы.

– Это работа не вашей квалификации, да и у мужиков не надо хлеб отбирать. Вам я привезу своего товарища, он хочет за Окой такой же вот дом поставить, и работа ваша ему понравилась.

– Ну, как скажите, а за заказ спасибо. Вы, что, давно его знаете? – кивнул Мишка в сторону Малины.

– Да приходилось сталкиваться, – Петр Иванович нарочито сильно кашлянул в сторону кустов. В ответ притаившийся в них Гаврилыч нервно рыгнул. Кастрированный поросенок, такие в свое время сами ничего не делали и у других под ногами мешались. На собраниях только слышны были их пламенные призывы, а сами только и ждали, когда халява им упадет в руки. Говорят, однажды, еще в старые времена, при дележе талонов на хрустальные фужеры, ему талон не достался, так он от обиды даже в больницу слег. Зачем ему фужеры? Самогонку-то и из стакана можно пить.

– Принимайте работу, Петр Иванович, вот ключи.

– Пошли, – беря ключи и довольно осматривая дом снаружи, как будто в первый раз, сказал он, – только вот моя жена и водитель туда уже проскочили. У них свои ключи. Так что хозяин как всегда последний, – пошутил он. – Давно мечтал о таком доме. То денег не было, а когда заработал, не было времени, отправили меня тогда в длительную командировку. Забор только надо повыше поставить, чтобы этого не видеть. Потом поставлю бетонный из плит.

* * *

Петра Ивановича все называли «новым русским», хотя никто точно не знал, что это значит. Подразумевалось, что богатый человек. Но он не был бедным и в старые времена, а одно время про него ходили легенды. Потом было «Дело», суд, постановление «об особо крупных размерах» и десять лет исправительно-трудовой колонии с конфискацией.

Прошло время, и вновь пошли разговоры, будто Петр Иванович вернулся и как прежде работает на хлопчатобумажном комбинате. Это уже были годы, когда не оправдавшую надежды перестройку сменили «рыночные отношения», в первые годы непонятные простому народу. Потом комбинат акционировали, и все узнали, что президентом ЗАО стал ни кто иной, как сам Петр Иванович. Разговоров по этому поводу было много. Но все сходилось в одном: Петр Иванович, что бы там раньше ни было, человек непростой, грамотный и деловой, справедливый, с большими связями в области и в Москве. Кто с ним работал раньше, все его уважали и говорили, что вот, мол, такие люди сейчас и нужны. Он, хотя себя не забудет, но и производство поставит и людям даст заработать.

* * *

А история Петра Ивановича поучительна и характерна для тех времен. Вкратце она такова. Петр Иванович работал на хлопчатобумажном комбинате главным технологом. Комбинат существовал кое-как, ни капитального ремонта, ни нового оборудования, сырье – последней категории, поэтому и продукция никакая: полосатая ткань для матрацев. Зарплата копеечная, ткачихи и прядильщицы – лимита зачуханная. Таких комбинатов в Подмоскowie много, а толку от них было мало.

Петр Иванович, человек был еще молодой и энергичный. Надумал он реорганизовать производство. Сгонял в Москву, встретился со своими бывшими однокурсниками, которые работали в каком-то НИИ. Оказалось, они сконструировали новые узлы к старым станкам, завод изготовил опытную партию этих узлов, а найти комбинат, где их можно в производственных условиях опробовать, не могут.

Петр Иванович из Москвы прямым ходом помчался к директору комбината и изложил ему свой план. Директор оказался умным и дальновидным человеком, поддержал Петра Ивановича с одним условием: на время реорганизации производство не останавливать. По зову Петра Ивановича примчались москвичи, заводчане, и работа закипела.

Вскоре был составлен план реорганизации. Но, как говорится, скоро только сказка сказывается. Престарелый главный инженер категорически выступил против проекта. На совещании у директора он негодовал по поводу новых предложений – «нынешней молодежи только бы все реконструировать, а фактически ломать. Кому это все надо, разве «сверху» были указания или Министерство высказывалось в адрес комбината. Всю жизнь проработали верой и правдой, звезд с неба не хватало». Ну, и так далее. План все-таки утвердили. А после совещания главный пил в приемной сердечные таблетки и все приговаривал: «Господи, за

что мне такое наказание на старости лет. Не дают доработать спокойно до пенсии. Все лезут, куда не просят».

Дальше события развивались в такой последовательности: месяца через – два станочный парк был модернизирован. Не весь, а та его часть, которая была включена в эксперимент. Через три месяца ускоренных темпов работы сырье (хлопок) практически было переработано в пряжу и прядильное производство грозило остановкой, т.к. такого эффекта никто не ожидал, и увеличения объема поставок хлопка не предполагалось. Ткацкое производство, в свою очередь, через полгода завалило красильные цеха, что называется, под крышу. Красители не успевали, т.к. их оборудование модернизировано не было, да и краски хронически не хватало. Привозимый по плану хлопок еще через месяц шел с кузовов машин уже не на хлопковые склады, а прямо в прядильные цеха; склады готовой продукции стояли переполненными, потребители отказывались принимать ее в таких количествах.

На первых порах команда Петра Ивановича ликовала. Зарплата рабочих резко шла вверх. Даже главный инженер притих, чувствуя не просто приближение пенсии, но уже в размерах «республиканской персональной». Ожидались премии и награды. Почувствовав все это, наш А.Г.Мудрый при встрече с Петром Ивановичем непременно спрашивал, не требуется ли какая помощь, и заверял, что лично готов поддержать это прогрессивное начинание.

Но вскоре комбинат встал по случаю перепроизводства, недостатка сырья и ограниченности сбыта. Петр Иванович, что называется, рвал на себе волосы, пытаясь договориться с поставщиками и заказчиками. Все было тщетно. Комбинат приготовился к встрече высоких комиссий и публичной порки с пристрастием. Главный инженер надолго закрывался в кабинете и, по всему было видно, уже писал объяснения, где красной нитью проходили его откровения относительно того, как он всему этому противился, но никто, даже директор, не прислушивался к его здравому голосу.

Только у москвичей сохранилось присутствие духа – в конечном итоге их узлы обеспечили небывалый подъем производительности труда. А то, что производство захлебнулось, в этом виновата не техника, а экономика.

Описывать работу комиссий не будем. Сценарий известен. И партийные, и отраслевые товарищи работали больше месяца дено и ношно. Город затих в ожидании приговора.

– Как же так, Петр Иванович, – наигранно сочувственно вопрошал А.Г.Мудрый, – такое дело провалили? Вот, что значит отказываться от помощи старших и опытных специалистов. Все сами да сами, а не предусмотрели последствий. И вообще зачем Вам это надо было, ведь предупреждали же Вас, что не надо торопиться, теперь вот весь коллектив поставлен под удар.

* * *

Однажды, в разгар работы Комплексной Государственной комиссии, когда проект заключения был готов и передан на чтение директору комбината, он внезапно исчез. Вместе с ним исчез секретарь горкома и секретарь парткома комбината. Случайные люди видели, как поутру, еще затемно, от здания дирекции комбината отъехала черная «Волга», в которую сели директор и два секретаря, в руках они держали чем-то туго набитые портфели.

Кота в мешке не утаишь. Председатель Государственной комиссии позвонил начальнику милиции и тот подтвердил, что дежурный постовой видел, как в сторону Москвы рано утром ушла директорская «Волга» с означенными лицами. Больше вопросов у председателя не было. Человек он был умный, а чиновник – тертый, все сразу понял, поэтому, когда проверяющие собрались, как всегда, на утреннюю планерку, объявил, что, пока товарищи изучают проект заключения, он объявляет на сегодня для членов комиссии выходной. Завтра попросил никого не опаздывать.

На завтра председатель комиссии и директор комбината были приглашены к секретарю райкома. Здороваясь с секретарем, председатель заметил: «Мне уже звонили из Москвы, - я в курсе».

– Ну, что ж, - сказал секретарь, - давайте, товарищи, еще раз пройдемся по заключению.

Совещание затянулось и члены комиссии, а также руководство райкома и комбината, томившиеся в ожидании, увидели их только к вечеру. Расширенное заседание было продолжено.

– Уважаемые руководители районного комитета партии и комбината, члены Государственной комиссии, - начал свою речь председатель, - все вы ознакомились с содержанием заключения и сделали свои замечания. Позвольте мне зачитать окончательный вариант документа.

Комбинат был готов ко всему, какие только версии заключения не проговаривались в курилках, кого только не «увольняли» умудренные опытом ветераны комбината, на какие только срока «не сажалось» руководство, сколько партбилетов «осталось без их хозяев». Но то, что было обнародовано, изумило даже выдавших виды.

В целом идея эксперимента одобрялась, т.к. полностью соответствовала последним постановлениям. Однако осуждалась его слабая организация, несбалансированность со смежниками. Позиция смежников оценивалась критически, т.к. они, не поддержав эксперимент в трудный период его развития, фактически способствовали его неудаче. За недочеты в организации проведения эксперимента директору было поставлено «на вид».

Каждый, кто был в зале заседания, внутренне ахнул, т.к. многие знали, что директору по ряду выводов комиссии грозит исключение из партии и увольнение, а возможна и передача дела в прокуратуру города.

– Директору комбината, – беспристрастно продолжал читать заключение председатель, – предлагается удовлетворить просьбу главного инженера и уволить его с работы в связи с

уходом на пенсию, начальников производства и сбыта понизить в должности за то, что они вовремя не увидели нарастание кризиса поставок и сбыта.

Зал внутренне снова ахнул и многие посмотрели на главного инженера. Тот, не моргнув глазом, внимательно продолжал слушать выступающего, как будто дело касалось не его, а кого-то другого.

Затем был зачитан план устранения выявленных недостатков и определялись сроки их устранения. Коллектив комбината лишался тринадцатой зарплаты за год. Только о Петре Ивановиче не было сказано ни слова потому, что все это еще не сама история о нем, как следовало из заключения комиссии, а предыстория о том, что произошло потом.

* * *

Главное началось, когда комиссия уехала. Петр Иванович был вызван к директору комбината.

– Петр Иванович, – сказал он, – разговор у нас будет большой и серьезный. Ты знаешь, комиссия признала непроработанными твои нововведения. И это мягко сказано. А могли бы написать: «действия, влекущие за собой деструктивные последствия в отрасли». Станки придется восстановить в старом виде без остановки производства. Но, эти свои игрушки не выбрасывай, а аккуратно собери куда-нибудь на заброшенный склад. И подумай вот о чем. Сейчас ставится задача о создании подсобных хозяйств и производств на промышленных предприятиях. И эта линия будет углубляться. В Москве мне так и сказали – за этим большое будущее. Наш комбинат ничего не спасет, он маленькое звено большого, но больного экономического механизма.

Петр Иванович вопросительно посмотрел на директора.

– Да, да, – больного, все это понимают. И главный инженер не дурак, он таблетки тогда глотал не зря. Ты думаешь, я не знал, что все так кончится?

– ???

– Не просто знал, но и в Москве консультировался и получил добро. Надо было кое-кому на этом примере кое-что показать. А ты не подумал, почему имя твое даже не упоминалось в заключении? Ты мне нужен, и я сохранил тебя.

Наш экономический механизм не способен к тем темпам развития, которые ты ему навязал со своими москвичами. Но, если наша научно-техническая мысль шагает вперед, нужно думать, какая система способна реализовать ее достижения. Скоро многое в этом отношении прояснится. И мы должны быть готовы к новым веяниям.

До сознания Петра Ивановича стало доходить, что речь идет о чем-то очень значительном. О чем, он еще не мог представить, но полагал, что сейчас решается его судьба. Чем закончится разговор он не знал, но уже понимал, что сейчас директор ему скажет нечто, что

перевернет всю его жизнь, и, не дожидаясь конкретных предложений, внутренне он сказал себе: «Я согласен».

– Так вот о подсобных хозяйствах. Они должны стать прообразом новых экономических отношений государственного и, скажем так, негосударственного производства. Понимаешь, о чем я говорю? Они, как костыль, должны в тяжелый момент поддержать такие гнилушки, как наш комбинат, и, в то же время, способствовать росту благосостояния тех, кто работает в этих хозяйствах, кто их организует. А придет время, они трансформируются в предприятия нового типа. Но об этом говорить еще слишком рано.

Принесли чай. Руки Петра Ивановича слегка вздрагивали, и директор подумал, что этот умный и способный человек не испугался, а руки его вздрагивают от волнения и от осознания важности услышанного.

– Нам предстоит начать с малого. Соберешь по цехам и по территории станочный хлам, навесишь на него московские узлы, переговори с москвичами, может, у них есть еще что-то в этом роде. Немного денег я тебе подкину. В общем, надо собрать пусть небольшую, но эффективную линию. Как это сделать, ты уже знаешь, не мне тебя учить. Соберешь линию в пятом ангаре в углу старой комбинатской территории, подальше от посторонних глаз. Он все равно записан у нас под снос, но может простоять еще сто лет. От буржуев Никольской мануфактуры достался, а они строить умели. С ремонтом тоже поможем. Производство развернешь на отходах и некондиции. Ты знаешь, что это не бросовый материал, а золотая жила. Клондайк. Нужно только умело им воспользоваться.

Простыни для новобранцев из них не пошьешь. Но есть у нас такие социальные группы, которые и этому будут рады. Я имел разговор в МВД РСФСР. Ты знаешь, сколько у нас в стране тюрем и сколько в них заключенных?

Петр Иванович внимательно следил за ходом мысли директора, но предпочитал не задавать вопросов, зная, что тот сам все, что нужно, скажет.

– Так вот каждому из них нужен матрац, одеяло, подушка, белье. Из хорошего шелка и хлопка им никто шить не будет. В МВД мне сказали, что финансирование лагерей будет сокращаться, а наши комбинаты и так в прогаре, чтобы снизить цену на свою продукцию. Вот здесь и появляешься ты со своими «коробейниками» – «А не желаете, ли господа-товарищи, простыни-пододеяльники в полцены?» Я предварительно вопрос обсудил, будут брать и крупным оптом. И ехать никуда не надо, сами приедут, да еще и спасибо скажут. Жаль мощностей не хватит спеленать всю систему, но и того, что будет, мало не покажется. Ну как? Берешься? Я ведь не случайно делюсь с тобой этой идеей, давно к тебе присматриваюсь и уверен в тебе. Лишь бы ты сам в себя верил и людей толковых подобрал. А на комбинате или где еще твоему таланту хода не будет. Сопьешься или сядешь за приписки, не ты первый.

Раздался телефонный звонок, директор взял трубку и вынужден был надолго оторваться от разговора.

Петр Иванович чувствовал, что идея эта не простая. И если кто-то там наверху думал о государственных экспериментах, здесь внизу пока это мало кого волновало, но определенно пахло уголовщиной. Во всяком случае грань была настолько тонкой и хрупкой, что малейший промах грозил «большой» статьей УК РСФСР. Кто такие «цеховики», знала вся страна. Уже прошло несколько громких дел. А здесь внешне то же самое – бери и сажай.

Но директор прав, работать как все он не мог: противно было видеть весь бардак и глубокомысленные рожи, либо ничего не понимавшие в производстве, либо не желавшие понимать. Действительно, тонны отходов и некондиции уничтожаются или разворовываются умными людьми. Вот тебе и постановления о внедрении новых технологий. Как в анекдоте: «Съесть-то он съест, да кто ему даст?»

– Ну, ладно, ладно, не брынчи, – донеслось до слуха Петра Ивановича, – я же все понимаю. А, с другой стороны, не так плохо тебе на пенсии живется. Все у тебя есть, здоровье крепкое. А у нас без нитроглицерина редкий день обходится. Ты вот что, как все затихнет, на «республиканскую» подавай, постараюсь тебя протолкнуть. Да ладно тебе, благодарить будешь потом.

Директор закончил разговор, откинулся в кресле и внимательно посмотрел на Петра Ивановича, как бы в который раз прикидывая, не ошибся ли он в человеке, которому вверял в руки дело значительное и перспективное. Его давнишние высокопоставленные друзья к нему ведь то же присматривались, прежде чем предложить участие в больших делах, и он не все знал, что происходит. И ему не все говорили, и он чувствовал, что ходит по лезвию бритвы. Но было очевидно, если ты в «обойме», то в трудную минуту можно ждать поддержки. Как сейчас – и членов комиссии подобрали понимающих, и заключение пропустили в нужной редакции. А ведь все могло получиться иначе, и не сидел бы он уже в этом кресле, а хлебал бы баланду где-нибудь в «Бутырках», как особо опасный.

– «Главный» звонил, переживает, обиженным себя чувствует. Ну да ладно, он молодец. В нужную минуту промолчал. Ты его, если что, не обижай... Как, Петр Иванович, задал я тебе задачку? Не спеши, подумай, что бы потом, случись чего – без обиды и, как бы читая мысли Петра Ивановича, добавил, – а что касается уголовщины, так сама идея предполагает не красть, да и не у кого красть. Здесь все рассчитано на эффективность производства и на рынок сбыта. Производство на отходах, рынок – на договорных началах. Где состав преступления? Нет его. Нарушение некоторых инструкций? Так я их нарушаю каждый день, и ты нарушаешь. Но все знают, не нарушишь – не поедешь. Мы же это делаем опять же ради производства. Ну, а случай чего, так «бог не выдаст, свинья не съест», помогут, кто надо поддержит. Не в первой, ведь.

Я понимаю, человек получил кредит, но не пустил его в производство, а взял себе, т.е. украл. Но, если ты в своем подсобном, можно сказать, независимом хозяйстве, добился прибыли и честно поделил ее: часть заплатил налоги, взял себе, дал рабочим, отчислил комбина-

ту? Где же здесь уголовщина? У кого ты и сколько украл? Я думаю, скоро в законах все, что надо, пропишут. Эти идеи уже давно витают в воздухе.

Сколько тебе нужно времени на размышление?

Глаза Петра Ивановича встретились с глазами директора. И тот, и другой смотрели на своего собеседника твердо, но спокойно, не суетно, оба хорошо поняли друг друга. С самого начала разговора и не зависимо от его содержания они чувствовали, что договорятся, потому что были честны по отношению друг к другу и верили друг другу.

– Я согласен, – спокойно сказал Петр Иванович, – когда приступить?

– Считай, что уже приступил, – также спокойно ответил директор, – пиши заявление с просьбой назначить тебя главным инженером, это чтобы шавки под ногами не мешались, найди толкового зама, а сам садись пиши проект создания подсобного хозяйства и дай команду произвести ревизию всему разбросанному по территории станочному хламу. На все про все тебе три месяца, в конце квартала отчитаешься первой продукцией. В бухгалтерские дела не лезь, будь спокоен, там будет мой человек все отслеживать.

Давай-ка за будущее по рюмочке коньячку, а то с этими комиссиями забыл вкус благородного напитка.

* * *

Положение о подсобном хозяйстве было составлено толково, отредактировано солидными юристами в Москве, согласовано с кем надо. Однако и законы того времени писали не дураки. В случае необходимости, всегда можно было достать нужную статью и так долбануть его, что мало не покажется. Главное заключалось в том, что в те времена недозволиительно было жить кому-то лучше других. Инстанции закрывали глаза на многое, но только не на это. Это было подрывом основы основ. Только «наверху» могли решать, сколько, чего, кому отпустить. И все. И баста. Более того, не сметь.

Наш директор был смелый и знающий человек. Но он просчитался. Тем, кто его поддерживал в Москве, противостояли не желавшие ни каких перемен и, к тому же, не допущенные к участию в данных проектах. Т.е. ситуация напоминала ветреную погоду – откуда подует ветер сильнее, оттуда и жди новостей.

Так что деятельность на хлопчатобумажном комбинате сразу попала в поле зрения соответствующих органов и только им ведаемыми путями информация о ней была передана в Москву. Но до поры приказано было не трогать, а отслеживать каждый шаг.

Как бы понимая шаткость положения, Петр Иванович спешил, он запустил цех на полную катушку и гнал продукцию в две смены. Рабочие не возражали, т.к. их заработки раньше не могли им присниться даже во сне. Когда кассир первый раз принес зарплату самому Петру Ивановичу, ему просто стало жутко от такого количества денег. И в тот момент, видимо, он начал отсчет своего времени пребывания на свободе. Но маховик раскручивался, и никто

не желал уже его останавливать. С директором они виделись часто. Однажды при встрече тот весело произнес:

– Ну, как ты, доволен? В Москве о тебе знают и ценят. Ты только смотри, с деньгами поосторожнее. Не размахивай прилюдно. Потратить успеешь, тому будет время. И вот что, я пришлю тебе наши некоторые финансовые расчеты, а ты на ближайшем заседании дирекции выступи с инициативой пустить часть прибыли от твоего цеха на модернизацию производства комбината. Пусть все видят, какой ты передовой, что не о себе, а о комбинате заботишься.

Он так и поступил, однако уже на следующий день был вызван в ОБХСС, где перед ним поставили первые вопросы и была назначена комиссия по проверке деятельности цеха. От первых проверок удавалось отбиваться сравнительно легко. Чувствовалась твердая рука директора. Но «ветер» менялся, и ситуация становилась все сложнее. Вновь последовали комплексные проверки из Москвы.

В это время в прессе стали публиковать сообщения о раскрытии незаконных махинаций подпольных цехов на юге страны и расстрелах их организаторов. Беседы со следователями ОБХС и прокуратуры стали больше напоминать допросы. Петр Иванович стал получать анонимки с угрозами и злопыхательством от тех, кто догадывался о двойственности его деятельности. И, казалось бы, в самый критический момент, когда пора было прибегнуть к самострелу, в пятницу вечером ему позвонил директор:

– Переживаешь?

– Да, уж, радости мало.

– Не кисни, все преходяще. Ты вот, что. Собирай-ка удочки и поехали завтра ловить рыбу. Отдохнем немного. Приезжай на «Притыку» часам к девяти утра, да не опаздывай.

– До рыбы ли сейчас?

– Вот сейчас-то как раз самая рыбалка и начинается.

– Ладно, приеду.

Петр Иванович понимал, что директору сейчас тоже не до рыбалки. Как ни как они в одной команде и под одним «Делом» ходят. Поэтому ясно было, что разговор предстоит тяжелый. Не зря он вызвал на «Притыку» - дальнюю базу на Оке, где были его люди, и в случае прибытия туда посторонних они будут извещены заблаговременно.

Когда Петр Иванович уже собирался ложиться спать, в дверь позвонили. Это был шофер директора.

– Петр Иванович, – как-то негромко и загадочно заговорил он, – директор перенес рыбалку с «Притыки» на «Перекааты» к бакенщику. Степана знаете? И не в девять, а в семь утра.

– Ладно, хорошо, – ответил он и закрыл дверь.

– Умница директор, – подумал Петр Иванович, – предусмотрел, что наш разговор могут прослушать и отправил их в другую сторону. Так что у нас будет более двух часов.

Последнее время по ночам спалось плохо, в голове «прокручивались» события дня, справки, счета, накладные, нудные затяжные объяснения с проверяющими. Чувствовалось, что скоро предъявят заключительное обвинение и возьмут под стражу. Петр Иванович встал раньше положенного, собрал все необходимое и поехал в условленное место.

Бакенщик Степан встретил его как всегда радушно. Ждал.

– Рыбки припас Вам с ночи, – сказал он, – сейчас будем закладывать ущицу.

Утро стояло отменное, как раз для рыбалки. По реке тянуло легкой дымкою рассеивающегося тумана, вода стояла тихая, поэтому каждый всплеск просыпавшейся рыбы был слышен отчетливо и далеко. С детства знакомая обстановка утренней зорьки на какое-то время отвлекла Петра Ивановича от грустных мыслей, он быстро стал раскладывать удочки, как бы боясь, что не успеет и пропустит то самое время, когда рыба сама идет на крючок. Поудобнее устроился на поваленную в воду ветлу. Но в это время послышался шум подъехавшей машины директора. Петр Иванович с тоской посмотрел на поплавок и отправился встречать хозяина.

– Петр Иванович, – радушно начал тот, – уже рыбачишь? Вот, Степан, молодежь всегда так, даже на рыбалке и то обгоняют нас, стариков.

– Я-то точно старый промокший пень, – закричал Степан, – а ты-то у нас орел еще, не че наговаривать-то на себя. Мы еще под тобой наслужимся, дай Бог тебе здоровья. Я помню, как ты меня из каталажки вытащил да на путь истинный наставил. Век буду Бога за тебя молить.

– Ладно тебе причитать, Степан. Ты давай здесь по хозяйству, а мы с Петром Ивановичем пойдем, может, по щуренку споровим. Пошли, Петр Иванович, ты где примостился?

Ветла была старая и кряжистая, сидеть на ней было удобно и тепло. Директор размотал и бросил в воду свою удочку.

– Как здесь? – спросил он.

– Тихо, посторонних не видно. Вот только две лодки перед нами недавно прикололись на том берегу.

– Ничего, это мои рыбачки. Давай, Петр Иванович, пока «архангелы» не спохватились, обсудим сложившуюся ситуацию, – закуривая, начал директор. – А положение дел таково. Если смотреть правде в лицо, то в Москве сложилась критическая ситуация, и первый тайм наши проиграли. Но сама игра не проиграна. Ты знаешь – в таких случаях, чтобы выиграть время, сдают некоторых своих. Да, да, сдают. И время выиграть, и общественное мнение успокоить. Читай сегодня в газетах, там будет опубликовано о перестановках на самом высоком уровне. Но главных игроков им выбить не удастся. Дело в том, что поворот к новому исторически предрешен. Возможность сегодняшнего проигрыша была продумана, и все тактически, случись он, были готовы, чтобы быстро перестроиться и перейти в контрнаступление.

А эти, лопухи, радуются, думают, что игра сыграна. Здесь - то их за голые задницы и прихватят.

– Я одного не пойму, – прервал директора Петр Иванович, – постановление о модернизации производства на основе внедрения новой техники и технологий, предоставлении предприятиям большей автономии и хозяйственной самостоятельности, о прямых договорах предприятий принято. Чего же теперь кулаками размахивать?

– Так в том-то все и дело. Постановление это имеет не только экономический характер, но и явно выраженный – политический. Оно, как «пробный камень», брошенный в огород застоя. Начало широкоформатной программы коренных преобразований и обновления организации общества в целом. Вот они и засуетились, поняв, что почва у них под ногами зашаталась, но делиться властью ни с кем не хотят.

Нужно понять, что в этих условиях важно сохранить главных игроков на всех уровнях. Если не отступить, то их в первую очередь и повяжут, вот тогда и будет проигрыш.

Ты и такие, как ты, сделали большое дело, еще раз показали, в каком направлении нужно двигаться. Я видел в Москве толстенный секретный доклад по этому вопросу. Вокруг него сейчас страсти и бушуют. Дубогрызы пытаются его спрятать, но руки у них коротки. Вот они и рассылают свои комиссии. Но их вовремя удастся перехватить. То, что расстреляли нескольких «цеховиков» - это ерунда, в основном это были уголовники, поэтому их расстреляли.

Но тебе, Петр Иванович, - директор замолчал на какое-то время и внимательно посмотрел на Петра Ивановича. Тому показалось, что лицо директора как-то постарело и посерело. Может, это были блики от воды, а может, – печать глубоких внутренних переживаний от того, что он должен был предложить в общем-то близкому ему человеку. Петр Иванович хотел что-то сказать, но директор остановил его. – Молчи пока. Я должен тебе все сказать и сказать так, чтобы ты понял, что ты не пешка в игре, а солидная фигура, которую никто не хочет терять. Но пока, дорогой Петр Иванович, тебе придется «сесть». Понятно, мы сделаем все, чтобы уменьшить срок, а когда «сядешь», то по ближайшей амнистии освободить. Бог даст, добьемся и реабилитации.

В сознании Петра Ивановича промелькнули ехидные, а порой и злобные лица тех, кто намекал ему, что плохо кончит со своими экспериментами. Вспоминались ему и нарочитые соболезнования того «мухомора», как он его называл, из отдела по технике безопасности, который вначале напрашивался на дружбу, а потом ехидничал: «Надо же провалили такое дело? Надо было советоваться, Вас же предупреждали». Наверняка, анонимки – его рук дело и таких, как он, только мечтают, как бы присосаться к выгодному делу, а в случае неудачи первыми бегут, – «я же предупреждал, вот видите, что получилось?»

Главное, когда тебя прижмут, – продолжал директор, – держись версии, о которой мы сейчас договоримся. Да и вот что, деньги убери так, что бы их не нашли. Если найдут, тогда – конец, никто тогда тебе не поможет.

– Давно убрал.

– Вот молодец. Жену с детьми отправь куда-нибудь к теще подальше, пока все не уляжется, чтобы всякая шавка им в лицо не ткала. Они еще тобой будут гордиться. За семью не переживай, мы ее не оставим. Да и ты за каждый месяц отсидки будешь свое получать. Пусть жена ко мне зайдет, я сам с ней поговорю.

По документам у тебя порядок. Я же тебе какие ведомости давал подписывать? Сколько там твоя зарплата была обозначена? Чуть больше обычной, а за это не сажают. А сколько ты получал? По документам эта разница и часть прибыли, как знаешь, шла на нужды комбината. Всю территорию покрыли новым асфальтом не на бюджетные же деньги, а ведь это несколько миллионов. А коммуникации начали менять почти на всех фабриках? А крыши кроем новые? А премии рабочим? На какие шиши все это делалось? Не только на бюджетные, проценты от прибыли твоего цеха там тоже обозначены. Да, что там говорить? Пусть пороятся, хрена они нас под вышку подведут. Но здесь, еще раз повторяю, многое зависит от тебя. Ты пойдешь по статье за грубое нарушение финансовой дисциплины и нецелевое расходование средств без согласования с руководством комбината.

– Мужики, – раздался голос Степана, – уха закипает, а Вы все удочками удите. Знаю я Вашу рыбалку, опять небось о политике болтаете. И не надоела она Вам? Посмотрите, солнышко-то какое нынче встало. Как будто его там за лесом росой серебряной намыли и травой малахитовой вытерли.

– Ну, ты, Степан, скоро поэтом станешь, – подходя к костру и бодрясь от тяжелых мыслей, проговорил директор. Но голос его не мог скрыть того, что разговор с Петром Ивановичем дался ему не так просто.

– Поэтом, не поэтом, а живу-то, как в раю, – умиротворенно улыбался Степан, – вот мысли и слова просятся светлые и благородные, не то, что раньше, мат-перемат. Птьфю... – сплюнул Степан, – вспоминать не охота. Все ты, благодетель, мой, – поклонился он директору, – если б не ты, давно бы задохнулся где-нибудь в блевотине.

– Ну, опять пошел, подавай лучше уху, Володя, – крикнул директор водителю, – что там у нас в багажнике, неси на стол.

Степан поднес закопченное от костра ведро ухи и поставил его на приставную скамейку.

– Пшена-то кинул, не забыл? – наигранно строго спросил директор.

– А, как же. Без пшена уха не уха, пшено оно дух свой дает, особый.

На столе уже стояли пол-литровые обливные кружки и миски, хлеб был нарезан крупными ломтями, зеленый лук с увесистыми «цибулями» веничком лежал посередине стола рядом с хлебом, солонка крупномолотой соли – здесь же. Наизготове стояли и «старого образца»

граненые лафитники. Володя выкладывал на стол привезенные с собой свертки закуски, коньяк.

– Все «керосин» пьете, – недовольно пробурчал Степан, выкладывая куски рыбы в большую общую миску, – все травитесь не пойми чем. Я вот читал, что в России считалось приличным встречать гостей домашним вином. «Запечатанную» пили только в кабаках, а каждый приличный хозяин старался угостить всегда своей настойкой.

– Степан, ты что ж самогонку гонишь? Мало браконьерничаешь на реке, так и здесь закон нарушаешь.

– Браконьерничают те, кто Оку всякой гадостью травит и на катерах перегораживают реку немереными сетями, а утром торгуют на рынке. А у меня переметик себе на прокорм, да вот гостей встретить.

Что же касается, как Вы изволили выразиться, Ваше сиятельство, самогонку, так это слово придумали похабные люди.

Степан, когда у него дела ладились, любил обращаться к своим гостям «Ваше сиятельство» - и уважительно, и красиво.

– Раньше говорили домашняя водка. Я бражку не тороплю, как алкаш какой. Она у меня выстаивается, пока не отстоится как слеза, хоть газету через нее читай при Луне. После перегона очищается на березовых углях месячишко, не меньше. А березку-то выжигаю сам, как положено. После этого месячишко постоит на корне фиалки. Вот оно, когда водочка-то получается, пей не хочу. Но и это еще не все, что ее гонять пустую, только градусами голову забивать. Поэтому не спешим, делаем настойки, кто какие любит, кто на колгане, кто на сушеной малине – это зимой от простуды, многие вишневочку любят, а здесь один дед из Клишено посоветовал настаивать на кедровом орехе, польза, говорит, нам мужикам, необыкновенная, бабку свою он однажды так напугал после ореховой-то, что она чуть из дома не сбежала. Прости, Господи! Но мне это ни к чему, бабки у меня давно нет, а молодым я не нужен. Да и орех этот хоть и хороший, но не наш, это уж пусть сибиряки своими «орехами» девок пугают. Я предпочитаю березовые или смородиновые почки. Ох, и дух от нее, родимой, свежий, легкий, а пьется-то как, пьется-то как. Я-то, вот, почти не пью и то с хорошими гостями иной раз не выдержу и лафитничек тяпну.

– Ну, Степан, уговорил, после твоих слов не захочешь, да выпьешь твоей смородиновки. А, Петр Иванович, ты как?

– Да я уже давно весь слюной изошелся. Только вот, Степан, откуда же ты сейчас почки-то берешь, лес того гляди пожелтеет.

– Я с весны литров сто как выгону, так мне и хватает, а каждому-то я и не наливаю, каждому-то у меня отдельная бутылка припасена. Бывают такие, которым все равно что, лишь бы глаза налить. Все спичкой проверяют, горит или нет. Им для дури хоть на резине настаивай,

лишь бы забирало. Только я не балую. Зачем людей травить? А ты говоришь смородиновка? Так что, Ваше сиятельство, несть или как?

– Несть, - коротко скомандовал директор.

– Володя, пошли со мной, а то один не справлюсь, улечу в подпол с бутылью или сослепу расплескаю. Греха не оберешься потом.

Степан с Володей ушли, а гости в ожидании, не мигая, уставились на ведро ухи и объемистую миску рыбы. Запах манил нещадно уже проголодавшихся да наслушавшихся Степана. Но ждали его, сами не разливали, порядок такой – разводит уху хозяин.

– Читал как-то, – не отрывая взгляда от ведра, прервал молчание директор, – интервью с одним сверх популярным поэтом, «совестью эпохи», как он, путешествуя где-то на Камчатке или Сахалине, сильно промок под дождем и замерз. Приехали в село, а народ там бедный жил и угостить «светило» как следует было нечем, но самогонка водилась. Так ему для сугреву граненый стакан налили, он и выпил. А потом, говорит, у него было такое ощущение, будто кожа на пятках начала отслаиваться, такая оказалась гадость. Чувствуешь, Петр Иванович, гадость, говорит, а сам целый стакан огорошил, выпил бы глоток, глядишь, и пятки остались целы. Ему, наверное, добрые люди своей настойки на редких травах подали, а он этого не понял. Самогон, говорит. Не люблю я этого снобизма. За пятки свои боишься, так не пей, а выпил, так молчи, чего хороших людей перед всеми позорить?

Вернулись Степан с Володей, настойку Степан принес в какой-то красивой резной бутылочке, видимо из под фирменного вина, пока нес все протирал ее полотенцем.

– Чего сидите, не разводите?

– Тебя ждем.

Уха, после того как Степан достал из нее рыбу, отстоялась и вид имела удивительный: весь верх был покрыт толстым слоем желтого жира, а под ним прозрачный наваристый бульон.

– Степан, а что это там за куски плавают? – спросил Петр Иванович будто сам не знал. Знал он и то, что Степану будет приятно рассказать, как он прошелся под берегом по корягам и выманил оттуда несколько налимчиков. Как они не хотели вылезать. Но он, Степан, знает, как с ними обходиться. А то? Какая же это уха без налима, вот печенка их и плавает теперь сверху.

– Володя, ты наливочку-то разливай, не томи людей, пока я уху буду разводить, – верещал Степан. – Иной раз молодежь закатится: «Дядя Степан, можно у тебя отдохнуть, ухи сварганить?» А мне что жалко, – наливая каждому по полной кружке бульона и отрезая ложкой кусок налимьей печени, продолжал он. – Ребята хорошие, да в ухе толку не имеют. Валят в ведро всю рыбу подряд. Я им говорю, сыпь вначале мелочь: ершей да окуньков, потом выбрасывай их Жучке, не жалея. В Оке что рыбы мало? Уж потом закладывай хорошую: судака, голавлей, щучек, лещей, если налим сподобился – туда же. А они: «Да, ладно тебе, дядя

Степан, и так сойдет. Навалят в миски и рыбу, и бульон, и пшенки. Какую-то кашу едят, да костями давятся. Жалко смотреть.

Нет, уху наливают отдельно, да не в тарелки, а в кружки, в миски раскладывают рыбу. Рыба в этом деле не самое главное, важно, чтоб бульон был наваристый, вот тогда это будет уха.

– Опять сидим, чего ждем? Ваше сиятельство, подавай команду, я и то разохотился под смородиновку.

Расставались как будто навсегда. Знали, что такого разговора больше не будет, а их будущее во многом зависит от обстоятельств и от того, как они сами поведут себя в этих обстоятельствах. По дороге домой Петр Иванович думал не столько о предстоящем аресте, сколько о директоре. Он еще раз восхищался его, хладнокровием, способностью так проанализировать ситуацию, что обнаруживался последний, единственно возможный выход. И он честно его сегодня назвал: «Нужно «сесть», чтобы спастись». А мог бы сдать с потрохами и жить спокойно. Уж его-то Москва прикрыла бы.

* * *

Суд по делу хлопчатобумажного комбината взбудоражил весь город, но в центральную прессу материалы не прошли, что в значительной мере удивило горожан. Дело складывалось, как и предполагал директор. В одном народном заседателе Петр Иванович не без удивления узнал А.Г.Мудрого, в предыдущие годы то, заискивая, то обличавшего его, но постоянно, как тень, следовавшего за ним. Когда суд определял срок Петру Ивановичу и иже с ним подельникам, он чуть не устроил скандал на судебном совещании по поводу мягкой позиции судьи. Горячо доказывал, что всех расхитителей нужно ставить к стенке, обещал поднять общественность ради справедливости. Когда он намекнул, что и судья с ними заодно, и пообещал разоблачить взяточников, судья пошел на компромисс – срок скостил, но не настолько, насколько это было возможно.

Перед отправкой на этап в камеру к Петру Ивановичу пришел директор, он принес небольшой сверток копченой окской рыбы, положил его на нары.

– Это тебе на дорогу.

Они крепко обнялись и попрощались.

– Ехать тебе недалеко, Петр Иванович, - сказал директор, - на Волгу. Будешь стегать телогрейки для эсков. Тебя назначат мастером в пошивочный цех, чтобы не забыл производство. Если что, дай знать, ты знаешь как. А мы будем ждать тебя. Ну, я пошел.

* * *

Ночной поезд специального назначения МВД нехотя набирал скорость с Казанского вокзала Москвы. Нестройный хор эсков затянул отходную:

Снова эти крытые вагоны,
Стук колес, неровный перезвон,
Снова опустевшие перроны
И собак конвойных злобный лай.

К тому времени Петр Иванович уже обмялся на нарах Бутырский тюрьмы и не чувствовал неудобства от специфической атмосферы заключения. Сосед напротив, крепкий мужчина с острым тяжелым взглядом, еще в Москве молча разделся, лег на свою полку, отвернулся к стене и заснул. Других в их «купе» не было, что удивило Петра Ивановича с самого начала. Но за время своего ареста он все больше привыкал о лишнем не думать и тем более не задавать вопросов.

Он часто вспоминал ту последнюю рыбалку с директором и непойманную им рыбу. А она, эта рыба, как назло стала приходиться ему во сне, да еще в каком-то дурацком виде: она высовывалась из-под ветлы и имела собачью морду. Морда улыбалась во всю ширь так, что видны были огромные желтые зубы, и ласково спрашивала:

– Что, Петенька, ушицы захотел? Будет тебе ушица, погоди.

После этого рыба-собака начинала не то смеяться, не то ржать, а затем орать:

– Топить вас всех надо расхитителей в реке, к стенке, смерть взяточникам, земля будет гореть под ногами у вас и всех остальных врагов народа.

Хорошо подоспел Степан.

– Жаб, собачье мясо, - гаркнул он на чудище и замахнулся на нее колчужкой из костра. – Надо же повадилась здесь свои порядки устанавливать. Людям мешает спокойно отдыхать, да тишину - Божью благодать, пугает. И все норовит Жучку мою поймать да под корягу утащить. А при полной Луне вообще житья от нее нет – орет дурниной, все призывает всякую нечисть из омутов на митинги. А один черт лохматый на той стороне требует, чтобы рыба стала плавать хвостом вперед, тогда, мол, и река потечет в обратную сторону. Это у них называется новым течением, и вот это новое течение наведет, наконец-то, на реке порядок. Тьфу..., – с негодованием сплюнул Степан, – уж и не знают, что придумать. А все потому, что вылезают из-под своих коряг по ночам и Света Белого не видят. Вот и злобствуют, вот и придумывают всякую бесовщину.

Сегодня ночью это же наваждение посетило Петра Ивановича. Правда, в какой-то момент морда перестала орать и опять наигранно ласковым голосом молвила: «Петенька, вставай, скоро ушицу принесут».

Петр Иванович проснулся, контролера кричали «подъем» и звенели ключами. Вагон наполнился характерными звуками просыпающегося барака. Сосед Петра Ивановича уже сидел на своей полке и внимательно, не мигая, смотрел на него.

– Доброе утро, - сонно сказал Петр Иванович.

– Здравствуйте, Петр Иванович, - отозвался тот, - вставайте, уважаемый, рассвет уже пощется.

– Откуда вы знаете мое имя? – удивился Петр Иванович.

– Я много чего знаю, знаю, что пошли вы по крупной статье, чуть под «вышку» не попали. Знаю и то, что у вас сильные друзья, помогли скостить срок. А поскольку париться нам вместе на Волге и не один годок, то будем знакомы – Федькин Иван Лукич. Свои называют меня просто Федька или Лукич. Не слышали?

– Что-то такое слышал. Вы держали в области транспортные перевозки, если не ошибаюсь?

– Обижаете, гражданин начальник, я в области был смотрящим, а транспорт – это так, боковичок.

Петр Иванович ясно вспомнил секретные ориентировки для руководства предприятиями, рассылаемые УВД области, где фамилия И.Л.Федькина временами упоминалась как одного из руководителей преступного мира, вроде как воровского арбитража.

– Ну, я чувствую, теперь вспомнили. А ведь нам, почитай, в одной упряжке срок тянуть.

Да, представьте себе. Приходится мне отдуваться за нашу молодежь беспредельную. Должен сказать, плохую молодежь мы вырастили, вернее она сама такая выросла. Никакого порядка не признает. Закон наш не чтит. Была команда пока не трогать хлопковые комбинаты области. Ну старикам есть чем и без этого заняться, а молодежь чувствует, что жареным пахнет, вот и прет напрапалую. Я прижал кое-кому хвосты, они жаловаться, а кум оказался в силе, да и дело было замешано, как выяснилось, на политике. Чего-то серьезного за мной не нашли, но пятерик вляпали. Только все это пустое. Мне что на воле, что на нарах, работа такая. Дружков заодно проведу, отдохну не у дел, - Лукич весело посмотрел на Петра Ивановича, - за вами, Петр Иванович, присмотрю.

– В каком смысле?

– В каком, каком? В таком. Тянуть бы мне срок в лесах сибирских, да где надо пошептались и говорят: «Есть, мол, такой Петр Иванович, человек порядочный, за идею пострадал, на нары делает первую ходку. Как бы чего не вышло, ты уж Лукич езжай с ним, поддержи в трудную минуту, да обижать не давай. А мы, люди свои, сочтемся, не в первой. Вот и вышло мне вместо сибирских холодов жировать на Волге. Так что, выходит, Петр Иванович, пострадали мы за идею – вы за Вашу, а я за Нашу.

В это время заклацали ключи в замке решетки, дверь открылась, появился контролер.

– Как устроились? – глядя на Лукича, спросил он.

– Душновато у вас здесь.

– Подавай, – сказал контролер «баландёру» и вышел.

Молодой зэк поставил Лукичу тарелки, из которых пахло явно не тюремной баландой, а Петру Ивановичу плеснул какой-то мути в миску, положил на кружку ломоть хлеба. Лукич внимательно осмотрел все это и скомандовал:

– Убрать, отседе этот человек будет кормиться с моего стола.

– Слушаюсь.

Молодой человек кинулся убирать со стола неугодное.

– Ты чей, малец, будешь? На какой заход пошел?

– Петя-пятак из Подольска, вторая ходка.

– За что срок схлопотал?

– Иномарки бомбили.

– На чем завалился?

– Заказали «мерина», мы его взяли без проверки, а у него хозяин крутой оказался, дал денег, нас и вычислили, потребовали вернуть «мерина» новьем, а мы таких денег отродясь не видели, он пообещал всех наших на нож поставить, вот они судили, рядили, с хозяином договорились, дали отступного, хорошо «мерин» целехонек был. А меня и еще двоих сдали ментам в обмен на какое-то «Дело».

– Ладно, будешь при мне, я вижу ты правильный. А заказы нужно проверять, а то до пенсии не доживешь. Что там в поезде слышно?

– Да все тихо, срока разные, народу много, говорят, по этапу будет еще больше. Вдоль дороги много взяли. Какой-то дележ-мулеш идет «наверху».

– Кто из уважаемых людей едет?

– Солнцевских и люберов много, в соседнем вагоне Иван Иванович из Пушкина.

– Ивану Ивановичу поклон от меня, скажи на днях проведать зайду. Скажи, чтобы лишних к нам в вагон не пускали. Кого надо, сам позову.

– Травки не желаете?

– Не курю.

Лукич вопросительно посмотрел на Петра Ивановича. Тот помотал отрицательно головой.

– Иди. Неси завтрак, – Лукич кивнул в сторону Петра Ивановича, – да смотри, чтобы чай был горячий.

Потянуло свежим воздухом. Петр Иванович еще раз, теперь уже с пониманием, смотрел на пустые полки. Позавтракавшие зэки взбодрились после сна. Кто смог, почирился, и вновь затагнули:

Не печалься, любимая,

За разлуку прости.

Как бы ни был мой приговор строг,

Я вернусь на родимый порог.

Я вернусь раньше времени
И в окно постучусь.

* * *

Годы после ареста Петра Ивановича выпали исключительно напряженные. Не давали расслабиться ни на один день. Ситуация складывалась подстать позиционной войне, когда выматываются до предела все нервы и ресурсы, а конца и краю ей не видно. Противостоящие «команды» были достойны друг друга. Но наш директор был как заговоренный. Он не позволял себе даже грубого слова в адрес нерадивых и нерасторопных сотрудников, считал это личной слабостью. Но и поблажек в делах не делал.

Комбинат жил внешне спокойной жизнью. Все знали, что любимым отдыхом директора стала рыбалка на «Перекате». Он часами мог сидеть на не успевавшей за ночь остыть удобной ветле и смотреть на поплавок или делать вид, что смотрит на него, а сам погружался в свои нелегкие мысли. С некоторых пор он приобрел сотовый телефон, но номера его никому не давал. Было такое впечатление, что он постоянно ждал чьего-то звонка.

И такой звонок раздался, застав директора опять же утром на рыбалке. Он спокойно достал телефон и нажал кнопку.

– Слушаю.

– Доброе утро, – услышал он в трубке твердый с хрипотцой голос, - не хотел будить тебя ночью, а дело не терпит отлагательств. К обеду приезжай в Москву, знаешь куда.

– Хорошо, готовь костер под уху, через час выезжаю, - и повесил трубку.

* * *

По новой магистрали домчались до окружной дороги Москвы быстро. Директор хлопчатобумажного комбината Иванов Максим Георгиевич любил по пути в Москву рассматривать придорожные окрестности всегда, как в первый раз, и душа его радовалась попутным лесам и перелескам, полям и пригоркам. Но больно было смотреть на жилье-бытье придорожных деревень. Какие-то маленькие, перекоsobоченные домишки, в лучшем случае, покрашенные свежей краской.

– И как в них люди живут, - думал он, - всего-то одна изба да сени, а жильцов человек пять – не меньше. Да и вообще, хотя бы и один человек, в таком убоище разве это жизнь? А спроси их, как живете, все в один голос заголосят, что «хорошо»: картошка-то у них уродилась, огурцов-помидоров насолили. Только и всего-то, только с голоду не помереть, да чтобы крыша не текла. Несчастный народ, слаще яблока в своем саду ничего не видел. Неужели он когда-нибудь найдет в себе силы посмотреть на мир иначе, возненавидеть свое прошлое? Другой жизни он ведь не знает, чтобы хотеть ее. Той жизни, настоящей, по-настоящему свободной и достойной нормального человека. А ведь на них нам придется опираться. Им кинет какой-нибудь высокопоставленный пахан мешок картошки, за это они любому морду на-

бьют, а стакан нальют, так всей семьей первыми кинутся за него голосовать. Телевидение запудрило мозги молодежи сказками о западных красотах, так они теперь вообще неуправляемые, не понимают, что работать надо, а не дяде служить. Дядя-то свое получит, а вот они? Пулю в лоб они получают от того же дяди.

Магистраль мчала машину Максима Георгиевича по направлению к Москве. Хорошая магистраль, а он помнил эту дорогу, еще выложенную известковым булыжником. Веселая была езда, то яма, то канава, известняк тонул в бучилах, и, в лучшем случае, на газике, а то и на лошади, можно было проехать. На легковых машинах и не старайся, где-нигде, все равно засядешь и без трактора не выедешь.

– Ишь, достроили наконец, к выборам отчитались, а могли бы до Оки-то дотянуть давно уж. Так нет, медлили до выборов.

Доехали до «окружной», с нее свернули в сторону от Москвы и вскоре повернули на малоприметную дорожку в лес, въезд на которую для всех был закрыт «кирпичом». В глухом углу, на берегу маленькой речки располагался поселок госдач, огороженный высоким зеленым забором. У Максима Георгиевича был туда свой пропуск.

Въехали на территорию одной из т.н. «госдач». Встречать вышел сам хозяин – лицо, хорошо известное в стране по делам его и постоянно показываемое по телевидению. Гость и хозяин обнялись как старые друзья.

– Ты, Максим, сколько ни смотрю на тебя, стареть и не собираешься, да и седины у тебя не по возрасту не так уж много. Молодец, так держать.

– Приезжай к нам на Оку, невесту тебе найдем, дом в деревне поставим, тогда и поймешь, дорогой мой, что такое «светлое будущее». Ока – это тебе не хухры-мухры кремлевские, это место особое. А где костер? Володя, – крикнул Максим Георгиевич водителю, – доставай рыбу.

Подошел повар:

– Николай Ильич, как обедать будем, – улыбаясь спросил он, – ухой или рыбным супом?

Никола Ильич вопросительно посмотрел на гостя, тот, как будто не слыша их разговора, с удовольствием рассматривал дачный участок с его «строевыми» соснами и высоченными березами.

– А ты как обычно готовишь? – невозмутимо спросил хозяин.

– Обычно уху, так ведь врачи...

– Так вот и готовь уху, – прервал повара Николай Ильич, – традицию нарушать нельзя. А у врачей работа такая – все запрещать. Друг ведь приехал, это понимать надо. К ушнице подай чего-нибудь легонького закусить. А пока подай-ка из заморозки с лимончиком. Человек с дороги, как никак.

– Николай Ильич, времени мало. Суп супом, уха ухой, ты рассказывай, зачем звал, я же понимаю – не водку пить. Сам, наверное, как на гвоздях сидишь. А за гостеприимство спасибо.

– Коли так, Максим Георгиевич, то давай перейдем к делу. Политграмоту я тебе читать не буду, мужик ты мудрый, сам все понимаешь. Но обращаю твое внимание на ряд обстоятельств, которые находятся во главе угла. И от них нужно плясать.

– Молодых звонарей из той команды наконец-то удалось прищучить. Сегодня это главное. Но силы у них много, и как бы в агонии они чего не натворили. У тебя, кстати, как дышат твои земляки-военные?

– Я ждал этого вопроса. Мои друзья говорят, что все пока тихо, спецуказаний не имеют. Что так все серьезно?

– Думаю, до танков дело не дойдет, но и компромиссом не кончится. Иногородние начинают теснить москвичей. Сейчас главное вышибить их верхушку, остальные посыплются сами. И обрати внимание, общественное мнение на нашей стороне. Многие, особенно из молодых уже готовятся бежать за границу, наши службы им в этом помогают: нагнетают обстановку, т.е. запугивают и готовят коридоры. Пусть едут. Их капиталы все равно уже не вернешь, так пусть здесь не мешают.

– Это сфера политики, а без экономики дело все равно не продвинется вперед.

– Подожди, будет тебе, Максим, и экономика.

Повар поставил на стол «заморозку» с лимончиком, как было приказано. Налил по рюмочке и тихо ушел.

– Ну, будем.

С охотой выпили, закусили лимончиком. Николай Ильич налил сразу по второй.

– Давай, вдогонку.

Выпили, закусили.

– Об экономике, ты помнишь, они нас здорово потрянули, тогда им помогли наши «партайгеносэ», которые еще чего-то значили. Но они не сообразили главного. Стратегию нашу не раскрыли. И вот пришла пора быстро-быстро эту стратегию раскручивать. Но опять же осторожно. Мы им специально навязали мышиную возню в политике и отвлекли от экономики. Они думают, что акционирование предприятий придумали они. А мы и не возражаем, теперь, когда этим процессом будем руководить мы, они подвоха и не увидят. Ты помнишь тот доклад, там все было прописано, но многие многого так и не поняли.

Конечно, эти оглоеды на акционировании хапнули много, здесь мы тоже дали маху. Они ведь как акционировали – под себя, мы же должны зарабатывать на этом деньги для производства. Помнишь старика К. Маркса и его производства группы «А» и группы «Б». Возрождение возможно, если наше государство будет сильным, богатым, тогда оно будет финансировать группу «А» – производство средств производства. А вот Вы – группа «Б» – «ширпот-

ребщики», пока должны зарабатывать сами. Это от непонимания люди говорят, что производство у нас разрушено, ерунда, его никто не бомбил, им просто перестали заниматься. Если раньше наши орлы обдирали производителей, то мы постараемся, чтобы у нас их было как можно больше, чем больше богатых людей, тем больше налогов, а их мы пустим куда надо, вот он, экономический механизм, и заработает вновь ритмично. Ну, пошли к столу, ухи твоей попробуем.

– Николай Ильич, все, что ты сказал – хорошо, я много об этом думал, рад, что в Кремле остались люди, которые это понимают. Но ведь многое из этого уже было, а итог – болтуны да жулики, которые не дело делают, чтобы потом получить свой процент от сделанного, снимают себе полной мерой, что попадет в руки.

– Было, да не все. Об экономическом механизме много говорили, да делали как-нибудь, а в конечном итоге все спускали на тормозах администрирования. Нельзя позволять всяким руководящим халявщикам кататься на шее у государства. Сейчас готовится закон «О государстве и о собственности», там все будет прописано. Если закон пройдет, они запляшут. Их ручонки, хоть и цепкие, на этот раз будут скользить по халяве, но зацепить ее им не удастся. Для этого предстоит еще очень многое сделать. Ведь халявщик – это не какой-нибудь бандит с большой дороги, которого если спугнешь, он побежал, хоть и на время, но спрячется. Халявщик – иное дело он передовик, ему наплюй в глаза, он будет говорить – Божья роса. И не мелкий жулик, которого, как комара, можно прихлопнуть. Халява – это состояние души. Он считает, что весь мир создан только для него. Когда его оттаскиваешь от «корыта», он даже не злится, он обижается до глубины души, до слез и обиды не прощает, т.к. считает, что ты нарушаешь справедливость, что ты – жулик и мародер, а потому – его личный враг. Посмотри, когда они что-нибудь хапнут – радуются как дети, прыгают и смеются, даже не скрывают, а всем рассказывают, хвалятся друг перед другом своими «заслугами». Так что объяснять им «что такое хорошо и что такое плохо» бесполезно. Нужно создать им такую среду обитания, чтобы халява рядом с ними и не лежала, тогда они сами, как наркоманы, вымрут. На наших же простынях халява всегда рождала халяву. А ты говоришь: «Пробовали, да не получилось», конечно, не получится, когда дела застревали у них в руках.

– Давай по «единой», за наш общий успех... Кстати, Максим Георгиевич, помнится был у тебя парень деловой, Петр Иванович, кажется?

– Сидит, помнишь, по тому «Делу»?

– До сих пор сидит? Чего же ты молчишь? Нам такие люди, как он, сегодня позарез нужны. Случись тебя в Москву забрать, кого оставишь после себя? Срочно готовь документы на амнистию, а вторую папку на пересмотр его дела.

– Давно готовы, всегда вожу их с собой, – Максим Георгиевич достал из кейса две папки и положил их на стол. Николай Ильич взял папки, полистал их по «диагонали»:

– Ну, Георгиевич, ты даешь! – удовлетворенно завершил просмотр папок он.

Позвал помощника.

– Игорь, эти документы сегодня же отправь нашим юристам в проработку, - коротко заключил он и внимательно посмотрел на своего друга. – Тебя, дьявола, на козе не объедешь. Как же мне тебя в Москве не хватает, сколько лет зову, сейчас был бы уже, минимум, в министрах, а Бог дал бы, и в вице-преьерах.

– Не мое это дело, прирос я к земле своей, а тебе помогаю, как могу, и впредь можешь на меня рассчитывать. Николай, как ты советовал, я сильно завязался с Ташкентом по поставкам хлопка и с японцами по созданию совместного предприятия. Можем выйти на консорциум. Что скажешь?

– Это главное, за этим и позвал. Консорциум будем создавать, но осторожно. Вначале акционируйся. Если филиалы будут возражать, не жалей их, гони взащей. Главное создать сильную основу, потом они сами приползут к тебе. Порядок акционирования должен быть следующий...

* * *

Вскоре после этой встречи Петра Ивановича этапировали в Москву на пересмотр его дела.

Перед отъездом его позвал к себе Иван Лукич Федькин.

– Что, Петр Иванович, пахнуло на тебя весной. Я думаю, скоро отведаешь ты жениных пирожков. Рад за тебя. Люди мы с тобой разные, а вот, поверишь, за эти годы мы как будто и сблизились. Большое будущее тебе вижу. Может, и меня, случись чего, не забудешь, поможешь в трудную минуту. Ведь это с женами можно развестись, а нам, деловым людям, никогда. Я ведь тоже на выходе, скоро столичных харчей отпробую.

– Спасибо тебе, Иван Лукич, за все, помог ты мне – это верно, но твои дела и мои дела там, на воле, лучше не сводить. Честно тебе говорю.

– А ты не спеши. Бог нам судья. Заготовил я тебе на память одну маляву. Хочу подарок тебе сделать. Поможет она тебе – хорошо, не пригодится – еще лучше. Вот если на тебя наедет кто их наших и твои власти не помогут, тогда-то ты нашей братве малявуэту и предъяви. На-ка, прочти.

«Братки вы мои, не единокровные, но близкие мне по образу и подобию, – читал Петр Иванович, – пишет вам ныне зэк № 725081 приволжской ИТК № 010 Федькин Иван Лукич или просто Федька, или Лукич, по-нашему. Помните, люди, такого? Не последний был человек в столице и ее области. Скоро, люди, свидимся, срок мой на закате, а жизнь впереди.

Предъявитель сего близкий мне человек, а потому не беспокойте его ненужным базаром. Найдите себе другое занятие. Если будут вопросы, то, как вернусь – потолкуем. Ну, а если вам будет невтерпеж, расстроите вы меня и испортите весь праздник души. И толковать мы будем по-другому, вы знаете как.

С горячим братским приветом

Лукич».

Петр Иванович дочитал записку, понял, что отказываться от столь серьезной бумаги нельзя. Потому как написана она была достаточно серьезным человеком и от всей его горячей бандитской души. Отказать – значит, обидеть, т.е. навлечь на себя безмерный гнев. Да и обижать Лукича не хотелось, т.к. за эти годы, кем бы ни был он на воле, здесь на зоне действительно часто помогал ему, и в итоге отсидка показалась Петру Ивановичу, в общем-то, не заключением по полной программе его тяжести, а как бы командировкой в неудачное и неуютное место.

* * *

Снова Петр Иванович увидел «крытые вагоны», услышал лай конвойных собак сырой и ветреной, дождливой ночью, когда этап строили в железнодорожном тупике одного из приволжских городов. К нему уже приезжали юристы из Москвы, и он был в курсе событий.

Пересмотр «Дела» Петра Ивановича продвигался успешно, и вскоре он был оправдан по всем статьям. А еще через несколько дней он предстал, как пишут, перед светлыми очами наставника, своего – Максима Георгиевича.

– Ну вот, дождался я тебя наконец, – весело сказал Максим Георгиевич, вставая из-за стола и подходя к Петру Ивановичу.

Крепко обнялись, трижды поцеловались, и у одного, и у другого на глазах блеснули слезы. Максим Георгиевич отступил на шаг.

– Дай-ка, дай-ка, мне рассмотреть тебя. Орел, как будто не из зоны вернулся. Вроде даже постройнел на тюремной диете. Отправим тебя на юга на нару недельку, подзагоришь и будет у тебя, как сейчас говорят, полный «о'кей». У нас арабы толпами околачиваются, вот в какие-нибудь «Эмираты» сгоняешь, тогда, вообще, на «нового русского» будешь похож. Как семья, все здоровы?

– Спасибо, что не забывали, Максим Георгиевич, все здоровы, дети выросли, собираются, скоро все будут дома.

– Так, дорогуша моя, - Максим Георгиевич посмотрел на часы, - время обеденное, пошли-ка пообедаем, а ты расскажешь, как жил, что такое тюрьма. Ведь меня за мою долгу жизнь, милостью Божьей, миновала сия «чаша», а ведь сколько раз уже вещи складывал. Ты же, коли такое перенес, надеюсь, только духом окреп - умом острее стал. Наверняка, ведь за эти годы не раз прокрутил в памяти всю жизнь свою и наши «подвиги».

Директор набрал внутренний телефон.

– Маша, у тебя все готово? Тогда мы идем.

– Пошли. Пошли, друг мой любезный. Не будем терять времени. Грех болтать здесь, когда стол накрыт.

Они спускались в цокольный этаж старого здания дирекции хлопчатобумажного комбината. Здание было старым – красного кирпича – еще от дореволюционного хозяина, но добротным. Видно было, что нынешний хозяин не терпит беспорядка. Все помещения были отремонтированы, в гулких коридорах поддерживалась абсолютная чистота, сюда еще не проникла евроремонтная мода, вся обстановка была пропитана старыми добротными традициями, и сотрудники не носились как ошалелые по коридорам и не хлопали дверьми в административном угаре. Редкий чиновник аккуратно, но не броско одетый, встречался им в коридоре или на лестнице, уважительно здоровался и следовал дальше. Каким-то чудом сохранилась старая чугунная лестница.

– Моя гордость, – сказал директор, – при каждом ремонте находится какая-нибудь «буйная голова» и предлагает ее заменить. Я спрашиваю «зачем», ведь хорошая, добротная лестница – ни выбоин, ни трещин на ней. Знаешь, что они мне отвечают? Не современно. Представляешь, эти дураки ради «современности» готовы сломать все, что угодно. Какой-то у них внутри зуд модернизации. Нет бы о производстве думали, как туда загнать современные технологии, так нет. Им чего не делать, лишь бы ничего не делать. Пока жив, не дам лестницу ломать.

Спустились в столовую. От неожиданности Петр Иванович остановился и присвистнул. Это была не та столовая, какую он помнил несколько лет назад. Вот это действительно было современно: помещение было оборудовано с большим вкусом и судя по всему не дешево. Оно не уступало лучшим частным ресторанам Москвы.

– Ну как тебе наша «столовая»? В городе приличного места нет, в гостинице оборудовали какой-то шалман, но это для молодежи, а солидному человеку тишина да комфорт нужны. Вот я и подумал, организую-ка я на внебюджетные средства «тихую заводь». Днем наши обедают, вечерами и по выходным открываем двери для городской публики, да не для всякой. Вход только при галстуках и никаких кроссовок. Комбинатским разрешаю отмечать торжественные события. Да присматриваю, чтобы для наших цены не задирали. Отбоя нет. Это не все, пошли дальше. Для таких, как ты, уважаемых гостей – отдельный кабинет. Я его называю «стол переговоров». Дело в том, что мы сотрудничаем с японцами и арабами. Их тоже кормить где-то надо. Но об этом потом. Садись, да не ешь все подряд, а только то, что на тебя смотрит.

Петр Иванович осмотрел стол.

– Не простая задача, если на тебя смотрит все сразу.

– Тогда начинаем каждый со своего края и движемся к центру навстречу друг другу. А ты рассказывай о жизни своей.

– О жизни моей можно рассказывать, как об этом столе – заходи с любой стороны. Но вот, что примечательно. Посмотрел я на людей разных и на шпану всякую, и на матерых рецидивистов, и на нашего брата предпринимателя. Публика, вроде, разная, а проблемы у всех

схожие. Все недовольны, все ругают нынешние порядки. И ведь вот в чем дело: послушаешь их и начинаешь верить в то, что они чуть ли не ангелы, в отношении которых совершена несправедливость. Потом очнешься, как от наваждения, и думаешь, вот сидит перед тобой бандит-бандитом, а ты уши развесил. Но что-то не дает покоя. Ведь если бы он один так заливал, а то все молотят, как по трафарету. А промышленники или торговцы? Да я у них высшие курсы «Экономики и права» прошел. Была у нас личность примечательная: Федькин Иван Лукич, в миру Лукич. Фигура... Все перед ним на вытяжку, охрана уважительно обходилась. Философ и правдоискатель.

При упоминании о Федькине Максим Георгиевич только на долю секунды застыл и продолжал закусывать. Но Петр Иванович эту долю секунды отследил, и ее было достаточно, чтобы он получил ответ на свой вопрос, который мучил его с момента знакомства с Федькиным.

– Иной «Цицерон»? Соберет вечером вокруг себя братву и давай вещать. Ему бы не на нары, а в Госдуму. Вся камера ждала вечера, когда начнется политграмота. Куда там нашим депутатам. Что ни спроси, на все у него готов ответ. Что интересно, оказывается им, жульню всякому, творящийся бардак тоже как кость в горле. И им подавай сильное государство. А сейчас и менты распоясались, работать мешают, а мзду требуют запредельную. Так наши «Цицероны» выдвинули лозунг: «Кто не работает, тот не ест».

– Хорош Ваш Федька, я слышал о нем, по оперативкам проходил. В Речках у нас как-то гостил. Более шумным был только визит в 1925 г. товарища Л.Троцкого, когда тот приезжал объявить тогда еще поселок Речки городом. Ты прав – фигура крупная и уважаемая в бандитском мире. Был у нас, если помнишь, через Оку хиленький понтонный мост, транспорт порой сутками ожидал своей очереди. А у Федькина через Речки шли на юг свои перевозки. Так он по своим каналам убедил местных военных, а те Минобороны, что в стратегических целях мост требует срочной реконструкции. Нагнал такого страху на всех, что Минобороны под видом учений смонтировало новый, то же понтонный, но большой современный мост. Учения закончились, а разобрать новый и восстановить старый мост все «забыли». С тех пор и ездим по «Федькиному мосту».

- Ну, что, Петр Иванович! Как тебе закусочка?

– Век воли не видать, – засмеялся тот в ответ.

– Тогда переходим к горячему. Чего изволите: стерлядки окской, баранинки нашей, деревенской, без запаха или экзотики заморской – японской. У нас и это есть. Приходится держать, а то они долго на наших харчах не могут, их то пучит, то еще чего.

Молчи. Без стерляди сегодня никак нельзя, и баранину оставлять нельзя – остынет, тогда ее только собакам выбросить. Да и стол у нас, дорогой мой, не всегда такой будет. Иной раз придется обходиться бутербродом, не выходя из кабинета.

После обеда подали кофе с коньяком за отдельный столик в углу с настольной лампочкой, затемненной абажурчиком, по центру стола и глубокими мягкими креслами.

– Интересные вещи ты рассказываешь, Петр Иванович, очень интересные, – директор на минуту задумался. – Все это не частности и не байки Бывалова. В контексте общей общественно-политической жизни в стране они находят свое место. Думаю, краткий вывод из сказанного будет интересен Москве. Теперь послушай, что я тебе расскажу, слушай и думай, т.к. с завтрашнего дня приступаешь к работе.

* * *

Прошло полгода, Петр Иванович втянулся в работу и успешно выполнял все поручения директора. Предстояло расширенное заседание дирекции по акционированию хлопчатобумажного комбината, после обеда – переговоры с японцами.

Совещание не предвещало неожиданностей, все было отработано и в коллективе, и в Москве. Идея поддерживалась на всех уровнях, коллектив готов был голосовать «за». Поэтому директор, открывая совещание, объявил, что сегодня предстоит уточнить вопросы проведения общего собрания трудового коллектива и выдвинуть от дирекции комбината кандидатуры на выборы председателя правления акционерного общества, исполнительного директора и другие должности. Совещание шло гласко, по-деловому обсуждались вопросы, вносились конструктивные предложения.

Дирекция единодушно проголосовала за своего будущего председателя – Максима Георгиевича Иванова. Однако выборы исполнительного директора вызвали бурные дебаты.

– Уважаемые коллеги, – сказал директор, – если вы доверяете мне, как вашему кандидату в председатели правления, то прошу поддержать на должность исполнительного директора кандидатуру Петра Ивановича Соколова, большинство из вас знакомы с ним по совместной работе.

Директор обстоятельно изложил мотивы своего предложения, убедительно прокомментировал известные события на комбинате, приведшие к несправедливому аресту Петра Ивановича, перечислил его заслуги перед комбинатом и т.д.

Но, как водится, те группы, которые подготовили выдвижение своих кандидатов, мало всем этим интересовались. Было очевидно – идет дележ будущих прибылей, а не либеральная трескотня о всеобщем благе. Против кандидатуры Петра Ивановича были выдвинуты серьезные аргументы, главные из них: все-таки сомнительное прошлое и то, что отстал от жизни, не владеет вопросами о состоянии производства. Противники Петра Ивановича понимали, что если он пройдет в директора, то М.Г.Иванов станет единственным хозяином на комбинате, а им нужно было «подпереть» хозяина своими людьми, тогда бы достигался «баланс сил».

Петр Иванович внимательно разглядывал зал. Он видел много знакомых лиц еще «по тому» периоду его работы, но встречались и новые, с кем он только успел познакомиться. Его не покидало чувство, что кого-то в зале не хватает из тех, которые всегда мозолили глаза и без демагогических выступлений которых обходилось редкое собрание. «Мудрый – вспомнил он, нет Мудрого, как его звать, забыл. Друзья рассказывали со смехом, как он со слезами выпрашивал прибавку к пенсии за какие-то там заслуги в «укреплении социалистической законности», а его наградили грамотой за многолетний труд и дали медаль «Ветеран труда», так после этого он стал выпрашивать премию.

Было выдвинуто еще две реальные кандидатуры, люди уважаемые на комбинате и поддерживаемые значительной частью коллектива. Но директор не был бы тем, каким его знали многие десятилетия комбинатские. Он организовал выдвижение еще двоих достаточно авторитетных членов коллектива, чтобы размыть первых двух неустойчивыми голосами. Прием сработал: минимальным количеством голосов, но Петр Иванович был выдвинут для избрания на должность исполнительного директора.

Других претендентов директор обещал не обижать, мало того пообещал им содействие в избрании в Правление акционерного общества, что впрочем предполагалось их должностями.

* * *

После обеда приехали японцы. Комбинат давно уже с ними сотрудничал. Директору стоило в свое время большого труда притащить их в свое захолустье. В Москве договор с ними вырывали со всех сторон. Опытные люди понимали: – японцы - не европейцы, с этими, если завяжешься, хоть халявы не получишь, но сработать на перспективу и обрести стабильность очень даже возможно. Все понимали, у японцев технологии, которые им нужно материализовать. Японцы, в свою очередь, знали, что в России хлопчатобумажное производство в прогаре, и русские будут идти на уступки, не то что европейцы.

Договор с ними «перегоняли» на Максима Георгиевича всем миром, денег ушло немалое. Другие комбинаты Подмосковья уважали его, считали своим старшим. Тоже поддерживали. М.Г.Иванов обещал в обмен не забыть их хлопоты. Но главное слово было за Москвой, и она свое слово сказала.

Переговоры с японцами двигались к завершению. И те, другие, ждали результатов акционирования комбината и выборов Правления.

Темой сегодняшнего обсуждения было подведение итогов экспертизы возможностей использования японской технологии в условиях комбината. Хотя эти возможности давно были изучены и получили положительную оценку. Суть вопроса заключалась в том, что японцы придумали какой-то растворитель хлопка, а полученную от этого растворения массу выдували, как разогретую сахарную пудру, и все это превращалось в качественно новую основу

пряжи, сохранившую все свойства, хлопка и приобретающую новые качества, по всем показателям превосходящую шелк. Важно для всех было то, что на это шел не высококачественный хлопок, а низкого качества, который поставлялся на комбинат. Растворитель, придуманный японцами, тоже производился из вторсырья – из спирта, полученного из опилок и сучьев лесоразработок нашего Забайкалья. Иными словами, производство будущего хлопко-шелка стоило копейки. То-то все вцепились в эту идею.

Главным был вопрос – рынок сбыта.

– Господин директор, – обратился глава японской делегации к директору, – по предварительным условиям нашего договора часть предполагаемой продукции будет реализована в Японии, но имеется ввиду меньшая часть, большую же часть продукции Вы обязуетесь реализовать самостоятельно. За это мы обязуемся вложить деньги в модернизацию Вашего комбината. Но вы до сих пор не представили гарантий выполнения Ваших обязательств. Нас это беспокоит, т.к. мы знаем, что покупательная способность жителей Вашей страны очень низкая, и шелк имеет у Вас ограниченное применение, не такое, как, к примеру, в Китае, Индии, Арабском мире.

– Господа, Ваша озабоченность имеет право на существование. У нас этот вопрос тоже в центре внимания. Могу сообщить Вам конфиденциальную информацию, – директор взял паузу и с вниманием осмотрел аудиторию. Все насторожились.

– Интересно, чего он еще припрятал для господ японцев, – Петр Иванович как и все затаил дыхание.

– Мы провели серию успешных переговоров с представителями деловых кругов Арабских эмиратов и некоторых других стран Арабского мира, – японцы переглянулись между собой, обменялись отрывочными фразами и приготовились слушать дальше. – В результате подготовлен пакет протоколов о намерениях. Арабские фирмы готовы заключить с нами договора о закупках хлопково-шелковых тканей после предоставления им на экспертизу опытных образцов. В случае подтверждения предъявленных им сертификатов качества наших тканей, они готовы заключить договора на закупку ста процентов объема производимой продукции с учетом роста объемов производства в будущем, т.е. стать нашими эксклюзивными потребителями.

Н.В.Гоголь в таких случаях говорил: «Немая сцена». Мне в тот момент показалось, что немая сцена перерастет в массовый обморок, а директор спокойно попросил своего помощника: «Игорь, откройте, пожалуйста, окно, по-моему, у нас душновато», – извинился и позвонил по внутреннему телефону: «Машенька, как у Вас там дела? Хорошо, сейчас идем», – сказал он и повесил трубку.

Из окна повеяло предвечерней прохладой. Первым начал приходить в себя помощник главы японской делегации. Он ошарашенно огляделся, посмотрел на своего шефа, тот сидел с видом восковой фигуры. Помощник что-то заверещал ему в ухо, на лице «главы» стали по-

являться признаки присутствия в этом мире, он посмотрел в сторону директора и опять ошеломел, хотя руки его оторвались от стола и он с усилием воли раз хлопнул в ладоши, затем еще и еще раз. Остальные поддержали и начали хлопать в ладоши. Оцепенение прошло, оно переросло в безудержный восторг. Японцы весело улыбались, что-то говорили на своем, непонятном окскому человеку языке, но понимавшему, что ситуация развивается по формуле: «Ока-Фудзи – дружба на век». Когда всеобщее ликование готово было перерасти в очередной обморок радости, директор поднял руку.

– Господа, если других вопросов на сегодня нет, то приглашаю всех откусать нашей окской стерлядки и чего Бог послал.

Что такое стерлядка и что значит «чего Бог послал», японцы уже знали. Они знали, что там внизу их Бог не скупится на угощения. Глава делегации однажды не выдержал и с сожалением сказал директору:

– Наш Будда велик, но когда Вы будете моим гостем в Японии, боюсь Будда не пошлет всего того, что посылает Вам Ваш Бог.

Когда японцев отправили спать, директор предложил Петру Ивановичу прогуляться пешком по комбинату до проходной. Атмосфера была пропитана характерным запахом хлопка, из окон фабрики доносился стрекот ткацких станков, улицы комбината были пустынные, и на душе у наших героев было спокойно и тихо.

– Еще один день прожит, – как бы сам себе сказал директор, – еще одна победа и еще один шаг в будущее. Придет время, дорогой мой, придется тебе шагать одному, без меня. Что делать, жизнь есть жизнь, – спокойно сказал он. – Но ты не бойся, пока я все не завершу – не помру, не имею права. В слишком большие дела я втянул тебя. Я ведь что придумал. На выборах мы провернем вот какой кульбит. Накалим атмосферу голосования за мое Председательство, а в нужный момент я сниму свою кандидатуру в твою пользу, все наши к этому будут готовы, а остальные не успеют очухаться, и проведем тебя в Председатели правления.

– Помилуйте, Максим Георгиевич?

– Знаешь, Петенька, каждый на этом свете должен выполнить свое, я свое на комбинате выполнил сполна. Сегодня у него начинается новая жизнь и организовывать эту жизнь должны новые люди. А я тебе буду помогать, что пенсионеру еще делать? Но жизнь твою я вижу дальше этих стен, ты человек крупного масштаба. Выйду на пенсию, буду свободен, начну двигать тебя в Москву. Запомни, ты промышленник-предприниматель, но без политики ты далеко не уйдешь. Обладание властью дает возможность успешному предпринимательству. Э... эх, живы будем, мы еще такое закрутим, сегодняшние дела, да твой цех по производству матрацев покажется сущей мелочью. Для начала будем двигаться в Госдуму. В Москве сейчас формируется наш резерв на выборы. Ты в списке один из первых.

Подошли к проходной.

– А ты помнишь, когда-то, еще в 50-е годы, рабочих на фабрики созывал фабричный гудок? Надо же, какой свистун был, весь город будил и ближайшие деревни. Сейчас бы так свистнуть. Я зайду в здание охраны позвоню в Москву, а ты бери мою «Волгу», доедешь домой и отправь ее за мной.

Попрощались обыденно, как водится в конце рабочего дня. Директор вошел в здание, а Петр Иванович сел в машину. В этой обыденности чувствовалась сила людей, умеющих управлять событиями и не позволяющих обстоятельствам руководить их жизнью. Сила, которая не терпит суетности и позволяет людям оставаться самими собой до конца.